

Автор бестселлеров по версии "New York Times" и "USA Today"

МЭРРИАН ТИ

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ И НЕ ТОЛЬКО

МОЙ голландский
МИЛЛИАРДЕР
ВИЛЛЕМ И СЕРЕНИТИ

Он - Виллем де Конаи. Тридцать три года. Невероятно красивый, невыносимо вежливый Голландский миллиардер, который всегда получает то, что хочет. Но на этот раз, он понимает, что хочет женщину, которая не для него.

Она - Серенити Роли. Девятнадцать лет. Тайно любившая миллиардера на протяжении долгих мучительных лет... пока не поняла, что между ними ничего не может быть.

Но внезапно, всё изменилось.

Виллем хочет вернуть её в свою жизнь. В свои объятия. В свою постель.

Но также, он хочет, чтобы она играла по его правилам.

Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Мэриан Ти

Мой голландский миллиардер 2

Двадцать два года назад

Попу одиннадцатилетнего Виллема де Конаи сильно саднило. Он желал по-детски захныкать, но всячески с этим боролся. Он старался сохранить свой взгляд ровным, а лицо бесстрашным.

За его спиной закричал отец, и мальчик приготовился.

Но всё равно, это оказалось для него неожиданностью.

Так было всегда, когда пряжка на ремне отца, впечатывалась в его кожу, пока он сильнее сжимал кулаки.

Это ещё продолжалось в течение семи минут, и Виллем считал каждую секунду, чтобы как-то отвлечься от боли, пока он не услышал вздох облегчения, который издал отец.

Это был конец.

Но он всё ещё не двигался с места, зная, что это может быть уловка. Однажды, он сразу же попытался уйти, надеясь, что тишина означает, что отец просто отключился в пьяном угаре, но вместо этого, Эдгар избил его до полусмерти, после чего, Виллем ещё неделю не смог появляться в школе.

Он пообещал себе, что больше никогда не повторит свою ошибку.

Секунды сплывали. Виллем, словно в тумане, подумал, что должно быть, его зад кровотоцит. Если это так, то придётся самому застирывать пятна на штанах. Эдгар придёт в ярость, если узнает, что кто-то из obsługi доведёлся про его избиения.

Прошла целая минута.

Эдгар захрапел.

Страх сжал внутренности Виллема, но он всё же сделал шаг. И прежде, чем его стопа успела опуститься на пол, он услышал хохот отца:

— Ты глупый мальчишка. Думал, вот так просто отделаешься?

От удара в спину Виллем рухнул на пол, и почувствовал...

Как отец стал вытирать подошву своего ботинка о спину сына, будто желал его раздавить.

Крик вырвался из уст Виллема.

Его отец сильнее захохотал.

И избиение возобновилось.

К тому времени, когда Эдгар закончил, был почти рассвет, и Виллем изнемогая от боли, не то полз, не то карабкался к столу отца в его кабинете. Это был его шанс, подумал Виллем, чувствуя головокружение. Пока отец и весь дом спит, никто из прислуги не узнает, что он тут делает. Никто не в силах остановить его, пока не будет слишком поздно.

Когда Виллем всё же добрался до отцовского стола, он крепко схватился за его края, и подтянулся вверх. Слезы навернулись на глаза от боли, пронзившей каждую частичку его тела, но он игнорировал её, не хотел терять ни секунды.

Он набрал номер телефона, заполучить который, было смертельно опасно. И когда на другой линии ответили, он хрипло затараторил:

— Я Виллем де Конаи, внук Королевы Голландии. Моя жизнь и жизни моих братьев и сестёр находятся в опасности, и это важно для нас, незамедлительно с ней поговорить.

***

Виллямина хотела рыдать от фото травм внука. Многоцветие различных оттенков синего полосами простиралось от спины вниз по его тоненьким ногам, и она даже не могла себе представить силу воли одиннадцатилетнего мальчика, чтобы терпеть такие побои, и не попросить о помощи... вплоть до сегодняшнего дня.

— Любопытно, чем я так согрешила в прошлой жизни, — с горечью спросила она своего советника, — что теперь награждена детьми, которые либо мягкотелые, либо бессовестные.

Эгберт мудро молчал. В своё время, королева была преданной матерью, но строгой и суровой, что касалось воспитания своих детей. Вместо того чтобы прививать им чувство любви, она нагоняла на них страх и негодование, и с годами эти чувства только усугублялись.

Королева вскинула руки, как только отложила фото внука на кофейный столик.

— Где сейчас Эдгар и его жена?

— Им было предложено оставаться в своей резиденции, пока этот вопрос не решится.

Она поджала губы.

— Ты имеешь ввиду, что они пытались уехать, и вам пришлось прибегнуть к услугам охраны?

— Да, Ваше Величество.

Виллямина начала растирать виски.

— Вы ведь его допросили?

— Да, Ваше Величество.

— И всё, что сказал мальчик, оказалось правдой?

— Потребовалось некоторое время, и применение определённых манипуляций, чтобы он начал говорить правду, но да, Ваше Величество, каждое сказанное слово господином Виллемом, к превеликому сожалению оказалось правдой.

Лицо королевы ожесточилось от услышанного.

— Понятно.

Взгляд Виллямины стал невидящим, т.к. она окунулась в размышления, пытаясь поставить себя на место внука.

Всё началось, когда Эдгар заподозрил свою жену в измене, и в том, что один из младших детей Николаас, был сыном одного из любовников. После этого, он стал напиваться до беспамятства каждый день, что неоднократно приводило его к безумным вспышкам гнева. Ему хотелось на ком-то выместить свою злость, и Виллем оказался самой удобной бойцовой грушей.

Виллем делал всё возможное, чтобы терпеть побои, потому что знал, стоит ему только кому-то об этом сказать, и Эдгар тут же отправит его в школу-пансион, и тогда его младшим братьям и сёстрам придётся нести бремя отцовского гнева. Но в последнее время, Эдгар стал совсем непредсказуемым и неуравновешенным, и когда прошлым вечером, он его силой вытянул из комнаты Ника, Виллем знал, что это никогда не прекратится. Он понимал, что нужно срочно просить о помощи, и решил обратиться к бабушке.

Но до этого не должно было дойти, в отчаянии подумала Виллямина. Чувство вины тяжёлым грузом легло на её плечи, бремя, которое она знала, унесёт с собой в могилу. Она

должна была знать. Боже правый, она должна была об этом знать. Но она была слишком слепа, слишком занята, о Боже, история снова повторяется. Она игнорировала потребности своих детей во благо королевства, и посмотрите, куда это привело. И то же самое повторяется с этим невинными детьми.

Она закрыла глаза, ощущая себя значительно старше своих пятидесяти восьми лет. Как ей удавалось, быть такой внимательной и чуткой в правлении королевством.

А с её семьёй, её плотью и кровью, становится такой неопытной, как новорождённый ребёнок.

И хоть, она и понимала, что уже слишком поздно что-то изменить в прошлом, она знала, что ещё не всё потеряно для будущего её внука.

Расправив плечи, она спросила:

— Где сейчас Виллем?

— В больнице святой Анны, Ваше Величество. Его личность держится в тайне, и к его палате приставлена круглосуточная охрана.

— Он в сознании?

— Да, Ваше Величество.

— Хорошо.

Встав с места, она стала мерить кабинет шагами – способ, который уже давно доказал свою эффективность в принятии решений.

— Эгберт, хочу попросить тебя отправиться в Амстердам и передать от меня личное послание, — слишком много языков захотят обсудить причину, почему она сама приехала к Виллему, и она не была уверена, что внук оценит такой повышенный интерес к своей персоне.

— Передай Виллему, что с этого дня, он находится под моим официальным патронатом, и что его родители будут об этом проинформированы должным образом. Ему и его младшим братьям и сёстрам больше нечего бояться, — и когда королевский советник только продолжал выжидающе смотреть, королева вздёрнула бровь. — Можешь идти.

Эгберт был удивлён.

— Э-это всё, Ваше Величество? — Невысказанным осталось его замешательство, почему королева, которая является одной из самых влиятельных женщин на планете, не предложила забрать детей к себе.

Королева покачала головой, мягко ответив:

— Меня удивляет, как после стольких лет служения мне, ты всё ещё остаёшься таким наивным и добросердечным, — тяжело вздохнув, она продолжила, — если это облегчит твою совесть, то ты можешь спросить Виллема, захочет ли он с другими детьми переехать ко мне во дворец. Ты даже можешь приказать ему это, но я тебе скажу вот что, мой дорогой советник, мальчик откажется.

— Должно быть, он не в себе, — удивился Эгберт.

— Нет, с ним всё в порядке, просто он по-другому воспитан. Он знает, что его переезд во дворец, повлечёт за собой скандал, а он этого не хочет. Он знает свои обязанности, — Вилльямина улыбнулась, но взгляд остался холодным. — Это то, что делает его истинным де Конаи, но боюсь, что также, это делает его слишком похожим на меня. Тем, кому непросто сейчас, и кому будет непросто в будущем... полюбить.

Глава 1

Настоящее время.

Солнце играло в волосах Серенити, пока она отстёгивала свой велосипед. У неё был классический чёрный велосипед, старый, но в хорошем состоянии, единственно, что указывало на его принадлежность девушке, была розовая лента, намотанная на руль.

Закончив, Серенити выпрямилась, пробежалась пальцами по рулю, и погладила сидение.

— Готова к пробегу, Фемке? — Она закрыла глаза, и практически увидела, как велосипед кивает ей в ответ, и смиренно ждёт свою хозяйку.

Улыбка заиграла на устах Серенити от причудливости её мыслей, но всё равно, она кивнула в ответ и уселась верхом, располагая ноги на педали.

А затем, тронулась с места.

Амстердам в начале зимы был до невозможности красив, а особенно ранним утром. Деревья, утратившие свою листву, тёмными ветвями разукрашивали оранжевое небо, заставляя любоваться данным творением.

Любимый маршрут Серенити начинался с неспешной прогулки вдоль каналов, к счастью, в ранние часы на улицах было не людно. Оттуда она отправлялась в парк Вондела, убедившись, что держит довольно быстрый темп, потому что местные жители любили быстро скользить между умиротворёнными деревьями парка.

Час спустя Серенити остановилась у своего любимого места с видом на мерцающие воды парка. Облокотив велосипед на толстый ствол дерева, она достала своё одеяло, и расстелила его на траву, прежде, чем усесться на него со своим завтраком: сыр, хлеб, виноград и термос с кофе, который она сама заварила дома.

Серенити наслаждалась едой в полной тишине, смакуя каждым кусочком. Закончив трапезу, она взяла свою книгу — пыльный, карманный томик, купленный на гаражной распродаже. Серенити открыла её на первой странице и тут же, её привлекла надпись, сделанная от руки.

Другу моего детства.

Ах.

Её губы дрогнули. Улыбка померкла. Глаза промокли.

Какая же лукавая и подлая Судьба.

Трясущимися руками она закрыла книгу и положила на покрывало. Она яростно устала на то, что окружает её, желая вновь радоваться этой красоте. Но было слишком поздно. Она, словно ослепла.

Всё, что она могла сейчас делать — вспоминать.

В начале, была одна боль, только боль и ничего больше. Боль быть отверженной, боль от того, что все её мечты пали жертвой единого безответного поцелуя.

Серенити была бы счастлива, если бы боль осталась в её душе навсегда. Когда ей было больно, когда чувства разорваны в клочья, было легче не вспоминать.

Но боль прекращалась.

Сейчас её уже не существовало.

Сейчас, всё что она могла вспомнить, было ужасная, мучительная прелесть того, как

было прекрасно раньше.

Воспоминания, соединяющие её и... его.

Она закрыла глаза, притягивая колени к груди, молясь, чтобы Судьба больше не посылала ей напоминаний. Но Судьба не слушала её.

— Могу я поинтересоваться, сколько тебе лет?

— Четырнадцать, сэр.

— Ну, а мне двадцать восемь. Это вдвое больше.

Серенити только моргнула.

— Всё равно не старый.

Серенити сильнее прикусила губу, но воспоминания не отступали.

Виллем сделала ей один из первых подарков, пара танцевальных туфель, пошитых на заказ. Она помнила, как затаила дыхание от волнения, своё изумление и трепет, когда она прочитала оставленную им записку.

Для того, чтобы ты парила.

Но больше всего, она вспоминала времена, когда он был просто рядом. Каждый важный миг её жизни, он был рядом. Молчаливый, стойкий, вселяющий уверенность, и надежду на то, что он всегда будет её опорой.

Вот так, она медленно начала плакать.

Когда боль становилась наиболее разрушительной, Серенити начинала ненавидеть его, но не так сильно, как ненавидела себя. Дура, дура, дура, она кричала себе безмолвно.

Но теперь Серенити знала, что это не так.

Она не была идиоткой.

Вместо этого, она была влюблённой женщиной. Голландский миллиардер научил её как любить, вот она и полюбила. Она полюбила его.

А любовь всегда прекрасна, даже если она безответна.

***

Виллем в одиночестве сидел на балконе со стаканом виски в руке. Бутылка на столе была практически пуста, но, не смотря на это, он не был пьян, и не хотел спать. Солнце, наконец-то, начало прятаться за горизонтом, оставляя расписные полосы на тёмном небе. Это было прекрасное зрелище, но его сердце оставалось холодным.

Правда была в том, что всё, что он мог видеть, была она.

Это продолжалось с тех самых пор, как она ушла... а он дал ей это сделать.

Виллем поднёс стакан к губам и опустошил его одним глотком. Жидкость обожгла его горло, и каким-то невероятным образом, это напомнило вкус слёз Серенити, когда она целовала его...

Извергая проклятья, Виллем попытался выбросить мысли о Серенити Роли из головы и швырнул стакан о мраморную балюстраду.

Но как только он рассыпался на мелкие кусочки, все, о чём мог думать Виллем, было, как это напоминает ему тот миг, когда сердце Серенити было разбито у него на глазах...

Твою мать.

Нет.

Он не хотел этого вспоминать.

Он вскочил на ноги и стал расхаживать по дому, но даже скорость, с которой он

метался по комнатам, не помогла ему выбросить мысли о девушке из головы.

Было одно воспоминание, которое, действительно, ставило его на колени.

Её губы, мягкие, тёплые, трепетные, прижимающиеся к его...

Её прерывистый и полный мольбы голос...

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи, что ты просто... просто притворяешься. Просто сдерживаешь себя?

Почему, мать твою, это так сложно забыть?

Каждый день он работал по четырнадцать часов, каждую ночь трахал новую женщину, и никогда не ложился спать трезвым.

Но всё равно, не мог забыть её.

Серенити Роли.

Девушка, которая без лишних слов показала, как сильно она его любит.

Виллем зажмурил глаза, как только её образ заполонил его мысли, но было поздно.

— Сири.

Виллем использовал краткое имя, которым абсолютно эгоистично напомнил ей все годы, когда она была только его Сири.

Но когда она вновь взглянула на него, он понял, что больше не является её героем, которым она его считала, и это привело его в ярость.

— Т-ты действительно хочешь знать ответ? — Он вспомнил, как предательски дрогнул её голос, и как он почувствовал себя полным подонком, за то, что был таким эгоистом.

— Мне правда, нужно на это отвечать? — Уже тогда он понимал, как это грубо звучит, но всё равно сказал это. Потому что понимал, что ярость нужна, чтобы скрыть вину. А ещё, чтобы скрыть страх, в существовании которого, он не мог признаться даже себе.

— Т-тогда, мне нужно, чтобы ты встал.

И он сделал это, не смотря на то, как всё нутро кричало бежать, как можно дальше от неё, пока его мир не пошатнулся под её воздействием.

— Теперь что? — Отрезал Виллем.

— П-подойди сюда.

И как последний ублюдок, он проигнорировал все свои внутренние маяки, и снова сделал именно так, как просила его она.

Он подошёл к ней.

Воспоминание заставило его чертыхаться и запустить руки в волосы. Чёрт подери. Каким же самодовольным ублюдком он был. Она была его девятнадцатилетней практиканткой. Он был её тридцатрёхлетним боссом. Он на десятки световых лет превосходил её в опыте, но всё же, позволил ей командовать собой.

Это было единственно предупреждение, которое ему требовалось.

Но он предпочёл прикинуться глухим, а теперь расплачивается.

Кулак Виллема врезался в мраморные перила.

— Будь проклята, — слова сами вырвались из него, но Виллем не был уверен кого он прокликает Серенити, или саму Судьбу.

Всё, что он знал — ничего не выходит.

Он не сможет её забыть, и Виллем не знал правильно это ли или нет, но он презирал за это именно Серенити.

Однажды, он уже позволил себе быть слабым из-за любви к семье.

Больше он не позволит этому повториться, даже ради Серенити.

Всхлипывая и шмыгая носом из кабинета генерального директора компании «Де Конаи», выбежала девушка, заставляя всех присутствующих побледнеть от своего вида.

— Это уже седьмая, — с тревогой прошептала Андреа своей коллеге в приёмной. В течение последнего месяца, Виллем де Конаи выставил шесть помощниц, и девушка, поспешно собирающая свои вещи со стола, должно быть, номер семь.

Рейчел только открыла рот ответить, но тут вновь отворилась дверь кабинета генерального директора, и они вместе с Андреа тут же опустили головы, завидев Виллема де Конаи.

Голландский миллиардер был безукоризненно великолепен, как всегда, его блондинистые волосы создавали прекрасный контраст тёмному костюму, сшитому на заказ. В прошлом, каждая женщина офиса соперничала, чтобы поприветствовать босса первой. И если повезёт, получить знаменитую улыбку миллиардера — крошечную, мимолётную, но такую захватывающую.

Но за последние два месяца, той несчастной, на которую падёт его внимание, грозило быть разорванной на куски.

Даже с опущенными глазами, Андреа и Рейчел видели, как миллиардер прошёл мимо рыдающей помощницы, не моргнув и глазом.

Бедная девочка, подумала Рейчел. Рядом с ней, Андреа опустилась на колени за стойкой, делая вид, что что-то ищет, Рейчел хотела последовать её примеру, но было слишком поздно.

— Рейчел, — миллиардер внезапно остановился возле стойки рецепции.

Побледнев, она прохрипела в ответ:

— Да, сэр?

— Свяжись с бухгалтерией, и скажи выплатить моей ассистентке месячное жалование, а затем обратиться в отдел кадров для поиска замены.

Она чрезмерно активно кивнула.

— Поняла, сэр.

— Спасибо, — миллиардер кратко кивнул, прежде чем войти в свой персональный лифт.

Когда дверь, наконец, закрылась, весь офис вздохнул с облегчением. Ну, практически весь, учитывая, что ассистент № 7 всё ещё рыдала за своим столом.

Андреа бросилась к девушке, обняла, повторяя:

— Ну, Ну, это не твоя вина.

Номер семь вновь всхлипнула.

— Я не знаю, что сделала не так, я просто поприветствовала его «Доброе утро, мистер де Конаи», и всё, — последнее слово вырвалось с новым приступом рыданий. — Он одарил меня взбешённым взглядом, сказал, что я нарушила правило № 1 и сказал, что я уволена.

— Что ещё за правило № 1? — Рейчел присоединилась к кругу сотрудников, собравшихся вокруг девушки, и не сдержала своего любопытства.

— Не называть его мистер де Конаи. Я должна была говорить «господин», и да, он говорил мне это, но откуда мне было знать, что это настолько серьёзно?

Все начали кивать в знак поддержки, потому что уже слышали то же самое от других

уволенных ассистенток. В начале, им казалась эта история смехотворной, но после ухода ассистента № 3, все работающие на административном этаже, изменили своё мнение.

По какой-то неведомой причине, миллиардер теперь призрачил свою собственную фамилию.

— Должно быть, и Серенити ушла из-за этого, задумчиво сказала Андреа, когда они с Рейчел вернулись за свою стойку.

— Но она всегда называла его мистер де Конаи, — напомнила подруга.

Андреа закатила глаза.

— Глупышка, разве ты не понимаешь, Серенити – сводная сестра Шейн Роли. Босс и его непостоянная девушка поссорились, и поэтому он уволил Серенити, и теперь не хочет, чтобы ему что-то напоминало о сёстрах Роли.

***

— Ты ужасно выглядишь, Виллем, — послышался голос из ноутбука, как только Виллем сел в лимузин. Он взглянул на водителя, но тот, делая вид, что ничего не слышал, закрыл за ним пассажирскую дверь.

«Должно быть, Мартин боится новой волны гнева», мрачно подумал Виллем. Нужно поговорить с ним в ближайшее время.

— Ты слышал, что я сказал, — потребовал голос из ноутбука.

Поворачиваясь лицом к экрану ноутбука, Виллем вежливо ответил:

— И Вам, доброго дня, Ваше Величество.

Он уклонялся от её видео звонков на протяжении многих дней, он должен был догадаться, что Вилльямина не из тех, кто поймёт его намёк на то, что он не желает с ней говорить.

Королева Континийская только улыбнулась.

— Ах, и никакой «бабушка». У тебя опять мрачное настроение.

Лицо внука слегка смягчилось.

— Так и есть, — нехотя признался он, — но не для тебя, бабуля.

Если бы общественность узнала способ общения бабушки с внуком, то пришла бы в полнейший шок. Будучи на виду, они всегда держались учтиво, но отстранённо, чтобы скрыть роль Виллема в принятии решений, касательно семьи де Конаи.

Только те, кто работал в замке, знали правду о том, что Виллем имел столько же силы и власти, как и сама королева из всего клана де Конаи.

— Проблемы с женщиной, несомненно, — пробормотала Вилльямина.

Виллем не обманывался тоном бабушки.

— Не вмешивайтесь, Ваше Величество, — Виллем был уверен, что королева уже задействовала все свои возможности, чтобы выяснить детали их отношений с Серенити, о которой она всегда очень тепло отзывалась.

— Ох, значит, ты всё же признаешь, что есть проблемы?

— Ба, — его голос звучал мягко.

Она подняла руку в успокаивающем жесте.

— Да, да. Я понимаю. Не буду вмешиваться, — блеск в её глазах погас, и голос звучал обеспокоенно. — Просто, хочу быть уверенной, что ты в порядке, дорогой.

— Я в порядке, — и тут же сменил тему. — Кстати, вчера вечером говорил с Гейбом.

Кажется, он не скоро вернётся, — третий сын наследного принца на престол, вызывал волну интереса прессы своим долгим отсутствием в королевстве.

Виллями какое-то время хранила молчание.

— Нам пока не стоит насильно его возвращать, — наконец сказала она, тем самым давая понять Виллему, позволяет отвлечь себя. С этим внуком, любое её вмешательство, будет рассматриваться, как угнетение его независимости. И после того, что ему пришлось пережить в детстве, Виллямина знала, что она скорее навредит себе, чем снова заставит чувствовать Виллема слабость.

Когда пришло время оканчивать разговор, Виллем приложил усилия, чтобы его голос звучал как раньше.

— Скоро увидимся, ба.

— Конечно, — но он видел, что волнение не покинуло её выцветших голубых глаз. Виллем устало прикрыл глаза, откидываясь на сидение.

В его жизни царила грёбанная неразбериха, и даже королева, находившаяся за тысячу километров, видела это.

Нужно было что-то делать, но что?

В его кармане завибрировал мобильный, и Виллем вздохнув, выудил его.

Это было текстовое сообщение от старшей сестры Серенити.

***

— Выглядишь ужасно, — сказала Мелани своей падчерице вместо приветствия, когда та вошла в столовую. Этими словами она пыталась задеть Серенити, но в ответ она только улыбнулась, пропустив сказанное мимо ушей, занимая своё обычное место за столом.

«Стерва», подумала она. Мелани знала, что многие зовут её падчерицу «Виллем младший», как его бывшего ассистента, и тот факт, что Серенити была совершена, и так подходила миллиардеру, неимоверно её выводило из себя.

Неужто, мир сошёл с ума? Даже сам Виллем де Конаи знал, насколько Серенити далека от совершенства. Мелани ни секунды не верила тому, что Серенити покинула работу, из-за чрезмерной усталости.

«Ну да, конечно», думала Мелани, глядя на свою бледную падчерицу. Определённо, миллиардер нашёл её скудную личность скучной и утомительной, но был слишком воспитанным для того, чтобы сказать ей правду.

Единственной идеальной чертой Серенити было чувство стиля в одежде, неохотно подумала Мелани, а в остальном, девушка была абсолютной неудачницей. Единственное, в чём она преуспела — был балет. Так нет же, нужно было ей поломать ногу, и тем самым довести её бывшего мужа до самоубийства.

Воспоминание о смерти Дэниэля Роли, заставило Мелани стиснуть зубы, и она прошипела девушке:

— Мне нужна плата за следующий месяц аренды наперёд, — эта девчонка виновата в смерти Дэниэля, она виновна в том, что ещё получает алименты отца, и должна работать, пока её ровесники купаются в роскоши.

— Хорошо, мадам.

Быстрое согласие должно было удовлетворить Мелани, но вместо того, она стала ещё более раздражённой.

— Полагаю, ты считаешь меня жадной?

— Нет, мадам.

— Ты ведь знаешь, что я не обязана была брать над тобой опеку, могла просто сдать социальным службам.

— Да, мадам.

И так продолжалось постоянно. Серенити привыкла, что мачеха винила её во всём, и какая-то часть её верила тому, что говорила Мелани.

Если бы она просто танцевала, как того хотел Дэниэль, её отец не был бы мёртв. Мелани всё ещё имела бы свои деньги. А она знала бы Виллема де Конаи, как парня Шейн.

Когда Мелани сделала глубокий вдох, Серенити подумала, можно ли уже приступить к еде. В животе начало урчать, напоминая о том, что она забыла хоть что-то съесть после возвращения домой.

Посчитав, что ей нечего терять, Серенити потянулась за половником, насыпать себе супа.

— Тебя что, не учили манерам, — зашипела Мелани. — Нужно дождаться твоей сестры! Серенити тут же отдернула руку, и положила её на колено.

— Прошу прощения, — она не стала уточнять когда Шейн к ним присоединиться, чтобы ещё больше не гневить мачеху.

Минуты стекали, и не было ни единого знака от Шейн. Её желудок вновь заурчал, на этот раз достаточно громко, чтобы это могла услышать Мелани. Она почувствовала на себе пронзительный взгляд мачехи, но продолжала изучать свою тарелку, прикидываясь полным невежеством.

Всего два года, подумала Серенити, стараясь ободрить себя. Дэниэль Роли был довольно специфичным во всём, что касалось контроля. Он решил, что Серенити будет иметь полный доступ к своему трастовому фонду, только если она будет продолжать жить с мачехой до двадцати одного года. В противном случае, она обязана жить на свои собственные деньги, пока ей не исполнится тридцать лет.

Ещё два года, всего лишь два года, Серенити повторяла про себя. Но чем больше она об этом думала, тем больше сомневалась, а стоят ли этого деньги. Возможно, ей нужно рискнуть, и просто уехать? Не только из дома мачехи, но и из Голландии тоже. Быть может, если она начнёт всё с чистого листа, будет проще забыть унижение, которому она сама себя подвергла перед мужчиной, который не желал её.

Серенити принялась жевать губу, обдумывая все «если», которые могут преградить её путь, и настолько потерялась в собственных размышлениях, что была застигнута врасплох, когда дверь в столовую распахнулась, и в комнату вбежала Шейн.

— Мама, он идёт! — Голос Шейн дрожал от волнения.

— Кто? — Потребовала Мелани, вскакивая на ноги.

— Виллем!

Серенити замерла.

— Я пригласила его на ужин, и полагала, что мы отправимся в ресторан, но он сказал, что в настроении отведать домашней еды, так что я пригласила его к нам, — и будто внезапно вспомнив, что есть ещё кто-то в этой комнате, Шейн резко повернулась к Серенити. — А ты, — её голос звучал предупреждающе, — не имею ни малейшего понятия почему Виллем тебя уволил, и что бы там ни было, не смей сегодня испортить вечер. Тебе лучше быть пайнкой, иначе, я превращу твою жизнь в ад.

— Благодарю, что подарили возможность присоединиться к вам, хоть и столь спонтанно, — пробормотал Виллем хозяйке дома, пока его телохранители пытались слиться с бежевым тоном стен. Обязательная охрана была введена с тех пор, как какой-то неизвестный с целью кровной мести семье де Конаи, покушался на жизнь двоюродной сестры Виллема. И т.к. данное распоряжение напрямую следовало от королевы, даже Виллем не смел ослушаться.

Но на самом деле, сегодня охрана тут появилась для того, чтобы впечатлить мать Шейн, которая хихикая и ответила:

— Ну что вы, вам тут всегда рады.

— И конечно же, — беззаботно начала Шейн, — ты должен хорошо помнить мою сводную сестру Серенити.

Его рука всё ещё лежала на талии Шейн, когда Виллем повернулся к Серенити.

Ах.

Серенити, смотревшая на него, была более бледной и тоненькой версией той, которую он знал, но так же по прежнему изыскано красива. На ней был коротенький свитерок свободного кроя цвета сомон, и его фантазия тут же нарисовала, как Серенити слегка приподнимает руки, тем самым обнажая плоский живот и тонкую талию.

Её джинсовые шорты были не лучше. Они были широкие и походили больше на мужской стиль, и казалось бы, данный образ должен делать Серенити мужеподобной, но вместо того, широкие шорты ещё больше стройнили её и без того длинные и изящные ноги.

Его тело напряглось, а мысли спутались, как только он представил, что она может появиться в таком виде где-то на улице. Она что таким образом хочет завлекать мужчин? Вот кем она стала, когда покинула его офис?

Заставив себя вновь взглянуть на её лицо, он кратко кивнул и сказал:

— Серенити.

— Сэр, — её голос был мягок, а лицо не выдавало ни единой эмоции. Виллема тут же одолел гнев, хотя он мать твою не имел ни малейшего понятия о истинном источнике этого гнева. Возможно, он злится на Серенити, которая смеет выглядеть так, будто забыла его и двигается дальше, или же на самого себя, осознавая, что девятнадцатилетняя девушка лучше справляется с их...

С их чем, злостно поинтересовался сам у себя Виллем. Чёрт возьми, он ведёт себя так, словно не оправился от болезненного расставания, хотя именно он её и оттолкнул.

— Ты в порядке, дорогой? — В полном замешательстве Шейн коснулась его руки.

Сердце Серенити вздрогнуло, когда она увидела, как миллиардер успокаивающим жестом накрывает руку её сестры.

— Прощу прощения, — услышала она ропот Виллема. Голос вежливый, но мягкий. Тон, который он никогда не использовал с ней. Унижение жаром ударило ей в лицо. Должно быть, она была сумасшедшая, или спятила, решив, что Виллем де Конаи может ответить на её чувства.

Казалось, что таким бессознательным образом, он вновь доказывал её неправоту.

Всё началось, когда Виллем занял место возле Серенити, и её чувства, словно качели раскачивались от восторга до глубочайшего шока, пока она не услышала обворожительное

объяснение:

— Потому что я хочу видеть твоё прекрасное лицо, когда мы говорим.

Шейн покраснела и залилась смехом, но всё же, заняла место напротив Виллема, что заставило Мелани сесть отстранённо во главе стола, с Серенити по одну руку, и пустым стулом по другую.

На протяжении всего ужина, Виллем поддерживал беседу, прикладывая все усилия, чтобы ослепить Шейн и Мелани, флиртуя с одной и очаровывая другую. Серенити напротив, он уделил крупицу скудного внимания, тем самым подтверждая причину её увольнения двум другим женщинам.

Когда Виллем поднёс бокал с вином к губам, Мелани предложила с улыбкой:

— Нам нужно чаще так собираться.

— С превеликим удовольствием, — Виллем улыбнулся в ответ.

Когда миллиардер говорил, он не отрывал томных взгляд от Шейн, от чего дочь Мелани мило смущалась.

Серенити тоже это замечала, что заставило её сердце опять сжиматься от боли.

Если бы только Серенити была немного старше и опытнее, она бы безошибочно узнала, что Виллем делает всё это только ради её же блага.

Но потому что, это было не так, и она была юна и невинна, а Виллем де Конаи был её первой любовью, идея обмана вовсе не посещала её светлый ум.

Вместо этого, Серенити видела, как Виллем смотрит на её сводную сестру, и думала именно о том, что миллиардер и старался изобразить. Она чувствовала именно то, чего он и добивался.

Чувствуя, как раз за разом теряет крупички себя.

Она слушала их обмен остроумными и изящными шутками, и думала «я никогда не смогу быть такой, как она».

Серенити наблюдала, как они флиртуют взглядами, соблазняют изгибом губ и истина не могла быть ещё более очевидной. Её сводная сестра и миллиардер знакомы друг с другом с той стороны, которую Серенити никогда не познать.

От этого, её сердце дало ещё большую трещину.

Не считая Серенити, Виллем старался не морщиться, когда Шейн наливала себе очередной бокал вина. Он знал её достаточно долго, чтобы понимать, как легко, она может перебрать и начать говорить и делать что угодно.

И как только он об этом подумал, Шейн тут же оживилась:

— Дорогой, а ты помнишь, как пришёл сюда впервые?

Виллем тут же напрягся так же, как и девушка возле него.

Когда миллиардер взглянул на Мелани, та тут же сообразила, что у него на уме.

— Шейн, дорогая, думаю...

Но её дочь тут же продолжила, говоря нараспев:

— Виллем, я уверяю тебя, что ты был единственным мужчиной, который поимел мою голову в доме моей матери.

Сердце Серенити пропустило удар. Неужели... неужели, она правильно поняла Шейн? То ли она действительно подразумевала, как истолковала её слова Серенити?

Первый вечер, когда Виллем был в доме Мелани... также стал их первой встречей, не так ли?

— Вот такой ты особенный, дорогой, — невнятно выговорила Шейн. Успех того, как

миллиардер весь вечер флиртовал с ней, ударил в её голову. Для Шейн это значило, что её терпение наконец-то вознаграждено, и миллиардер уже готов сделать ей долгожданное предложение.

И так, она напилась вина, празднуя это событие, игнорируя тот факт, что совсем потеряла чувство меры.

Глядя прямо Виллему в глаза, Шейн промурлыкала:

— Ради тебя, я даже не задумывалась. Просто встала на колени...

Тут же вскакивая с места, Мелани поспешила к дочери, прерывая её откровения.

— Думаю, ты слишком много выпила.

Шейн, смеясь, отмахнулась от матери.

— Ой, не будь такой ханжой. Я рассказала тебе об этом в тот самый вечер. Именно для этого, я прямиком отправилась к тебе в комнату, как только он ушёл.

Серенити побледнела, она отчётливо помнила тот вечер, и Шейн, действительно, была в комнате матери.

— Ох, как же я была впечатлена размером его...

— Дорогая, прошу тебя, это лучше сохранить личным.

Серенити чувствовала взгляд Виллема на себе, но даже ценой жизни, она была не в силах взглянуть ему в глаза. Она онемела от шока, и ненавидела себя за это. В глубине души, она всегда понимала, что миллиардер не мог довольствоваться всего лишь платоническими отношениями с её сестрой.

И всё же, она упорно блокировала те мысли на затворках своего разума. Она упрямо цеплялась за фантазии о том, что они наслаждаются обществом друг друга вдали от спальни.

Но теперь, эта иллюзия была навсегда разрушена.

И она не в силах больше это терпеть.

Серенити попыталась встать.

Но Виллем остановил её.

Его рука нашла её под столом, скрываемый скатертью василькового цвета, он не пускал её.

Останься.

Боль и наслаждение пронзили её с ощущением его прикосновения, но тут Шейн заговорила вновь. Один лишь голос сестры Серенити звучал для неё разрушительно, и каждое новое слово, превращало светлые и нежные воспоминания о первой встрече с Виллемом, в нечто мучительно вульгарное.

Она вспомнила, как Виллем хотел коснуться её волос.

Та ли это была рука, которой он держал голову её сестры, пока та делала ему минет?

Мысль была настолько болезненна, что Серенити попыталась вырвать руку из его хватки, в желании вырваться из реальности, которую обрушила на неё Шейн.

Но хватка только усилилась.

Пожалуйста.

Она потянула сильнее, борясь изо всех сил, чтобы не заплакать. Серенити знала, что была идиоткой. Знала, что это по-детски, но не могла ничего поделать.

Она хотела верить, что между Виллемом и её сестрой не было такого рода отношений. Но теперь, у неё не осталось выбора. Шейн выплеснула правду ей в лицо, и больше не было ни единой возможности избежать боли.

А прямо перед ними, Мелани тщетно пыталась успокоить дочь, которая настаивала на

разговоре о длине члена Виллема.

Слёзы жгли глаза Серенити, и она сделала новую отчаянную попытку забрать руку. Ей нужно уйти. Просто уйти.

Но миллиардер не позволял ей.

Его хватка была нерушимой.

Не уходи.

Его большой палец медленно проскользил по костяшкам её пальцев.

Прости.

Назад, вперёд, его палец двигался в такт биения сердца, стараясь залечить раны, но в то же время ещё больше разбивая его.

Ох, как она всё ещё любит его, и это так больно.

Смутно, она осознала, что Мелани пытается поднять дочь с места, и Виллем предложил помощь своих охранников. «Бедная Шейн», печально подумала Серенити, «так напилась в ночь, когда Виллем де Конаи собирался сделать ей предложение».

Ведь для этого он сюда и пришёл, не так ли? Именно поэтому миллиардер и не мог ответить на её чувства взаимностью. Потому что, он не любит Серенити. Возможно, потому что он уже влюблён в Шейн?

Как только Мелани удалось удалить дочь из комнаты, Виллем тут же кивнул остальной охране оставить их наедине.

— Охраняйте дверь, и если одна из них или обе будут возвращаться, дайте мне знать.

— Да, сэр.

И только когда они остались в комнате одни, Виллем позволил себе полностью взглянуть на девушку возле себя. Она была неподвижна, лицо бледное, спина прямая, а глаза решительно сосредоточены на стене перед ними.

— Серенити.

Девушка даже не взглянула на него.

— Его голос был такой же жёсткий и властный, как и хватка под столом. Он знал, что должен отпустить её сейчас... Но не мог.

А она, всё так же молчала.

Мысленно проклиная себя, Виллем отпустил её руку, чтобы прикоснуться к лицу Серенити, и заставить её посмотреть на себя.

Их глаза встретились, и на этот раз, его проклятия посыпались вслух. Видеть боль в её небесно-голубых глазах, было невыносимо, и хоть он и ненавидел её за то, что заставляет его чувствовать вину, там, где её нет, себя он ненавидел ещё больше, что вообще об этом беспокоится.

— Ты не в праве винить меня за то, что было ещё до встречи с тобой, — Виллем услышал своё рычание.

Но она опять молчала.

— Ты тогда была ещё ребёнком, — резко сказал он. — Четырнадцатилетним ребёнком! Откуда я мог знать, что ты вырастешь в ... — Он был не в силах закончить эту фразу, и, проклиная себя вновь, отпустил её лицо.

— Я никогда не лгал тебе о нас с Шейн, — выплюнул он.

В ответ, она взглянула на него, и когда Виллем уже решил, что Серенити так и будет мучать его молчанием, она услышала свой голос:

— Я знаю, — это звучало тихо, но трепетно, и казалось её лицо ещё больше побледнело.

— Я всегда это знала, — прошептала она. — Но от этого не менее больно, — и как только она произнесла эти слова, сразу же осознала, боль не исчезнет, пока она видит Виллема.

Она вскочила с места, бормоча себе под нос:

— Я должна идти.

Виллем так же резко встал.

— Куда ты собралась?

Она не ответила, только повернулась, и направилась на выход, но миллиардер тут же остановил её, обхватив тоненькое запястье.

— Пусти, — она даже не взглянула на него.

Он сжал руку ещё сильнее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Нам нужно поговорить.

Она яростно покачала головой.

— Нам не о чем говорить.

— Нет же, обо всём.

Она обернулась, выкрикнув ему в лицо:

— Я просто хочу забыть тебя, ясно? — Ей было уже не важно услышат ли её Шейн или Мелани. С неё было достаточно лжи. Она просто хотела, чтобы всё это прекратилось, и боль ушла.

— Двигаться дальше, — она пребывала в истерике от нахлынувшей боли, и была не в силах больше молчать. — Хочу навсегда забыть, что полюбила такого бессердечного ублюдка, как ты.

У Виллема заиграли жевалки.

— Хочу начать с нового листа, встретить кого-то другого...

Голубые глаза Виллема обратились в лёд.

Если бы Серенити не была так ослеплена болью, она бы поняла, что значит это взгляд.

— Того, кто с радостью примет мою любовь, и ответит на мой поцелуй...

Виллем больше ничего не слышал.

Он слышал только то, как Серенити говорит о другом мужчине, целующем её, и видения вновь заполонили его разум.

Он притянул её резким движением к себе, и, врезавшись в его грудь, Серенити издала громкий вздох, запустив пальцы в её волосы, Виллем потянул за них и яростно впился в её губы.

— Если ты посмеешь поцеловать кого-то ещё, — прохрипел он ей в губы, — я, скорее всего, задушю тебя.

Широко открытыми глазами, Серенити впитывала каждое, сказанное им слово, и как только открыла рот, чтобы ответить, Виллем тут же воспользовался моментом и скользнул языком в её нежный, тёплый рот.

Страсть поразила их тела, Виллем ощутил дрожь каждой своей клеточкой, услышав смесь шока и растерянности всхлипа Серенити.

На какой-то миг, Виллем забыл, как дышать, зная только желание получить всё от этого поцелуя.

Но вдруг, Серенити всхлипнула вновь, и Виллем окончательно утратил последние крупницы самоконтроля.

Его пальцы ещё крепче сжали, притягивая к себе, углубляя поцелуй, наслаждаясь её сладкими, трепетными губами. Его другая рука скользила вниз по её стройному телу, пока не достигла зада. Сжав с силой её попу, Виллем воспользовался моментом и прижал её к себе...

Его эрогированный и пульсирующий член вошёл в контакт с её киской.

Серенити застонала прямо ему в губы, и Виллем стал ещё более страстно её целовать и врезаться своей эрекцией в её чувственное место. Он знал, что должен остановиться, но не мог. Виллем понимал, что делал только хуже, но ему было уже всё равно.

Всё, что сейчас имело значение – чтобы поцелуй не прекращался.

Кто-то постучал в дверь.

— Миссис Роли возвращается, сэр.

Чувства Серенити бурлили, когда миллиардер медленно отстранился от неё, она могла только смотреть на него, и следовать за ним, как марионетка, когда он повёл её обратно на её место за столом, а сам рядом занял своё.

— Завтра, — еле слышно произнёс он. — Хочу, чтобы ты была в моём офисе в восемь утра.

Понедельник: Где ты?

Вторник: Возьми трубку.

Среда: Назови любой день, время, место. Нам нужно поговорить.

Виллем нахмурил лоб, прокручивая сообщения, отправленные Серенити за последние дни. Даже сейчас ему с трудом удавалось сдерживать себя, и не писать или не звонить ей более одного раза в день.

Швырнув телефон обратно на стол, Виллем взял ложку, и продолжил наслаждаться своим супом. Или, по крайней мере, пытаться делать это, т.к. последние дни, еда утратила для него всякий вкус. Он осмотрел свою столовую — огромное пространство, оформлено с помпезной роскошью, говорившей о давней истории его уважаемой семьи, одного из самых уважаемых кланов Европы.

На ком же ему стоит жениться, чтобы ей было комфортно в такой обстановке. Он постарался представить Шейн, восседающую возле него за двадцати футовым столом (прим. Около 7 м), гламурную и земную, и скорее всего, она будет свободно вести светские беседы с гостями, это казалось правильным, и необходимым поведением.

Но затем, непрощенный образ Серенити ворвался в его мысли, её мягкая, умиротворяющая красота, её спокойствие. Она не будет стремиться кого-то удивить, в отличие от её сводной сестры. Вместо этого, она просто будет собой, что также казалось ему правильным. Но более того, мысли о Серенити рядом с ним, заставляли Виллема чувствовать...

Он пнул стул назад и встал, оставляя остальные блюда нетронутыми. Виллем ушёл, стараясь с головой погрузиться в работу. Но даже когда небеса стали менять свой окрас за окнами его личной библиотеки, слово, которого он так старался избежать, не переставало вертеться на языке.

Счастье.

Это то, что Серенити заставляла его чувствовать, за что он ненавидел её и себя одновременно.

Достав свой телефон, он знал единственный способ прекратить это безумие, и набрал номер Шейн.

***

Уиллоу: Ты в порядке?

Серенити: Да, миссис М., я в порядке.

Уиллоу: Теперь, я понимаю, почему Виллем ненавидит, когда ты называешь его мистер де Конай. Это заставляет человека чувствовать, будто ему уже все шестьдесят.

Серенити нахмурилась из-за ответа подруги. Кажется, она явно дала понять ей — новоиспечённой замужней даме, чтобы та не упоминала имени голландского миллиардера.

Серенити: Это удар ниже пояса, особенно от того, кто должен быть глубокоуважаемой персоной, учитывая твой брак со Ставросом Манолисом.

Уиллоу: Вау. Звучит так, будто твоё сердце всё ещё разбито.

Пальцы Серенити замерли над экраном телефона от такого ответа Уиллоу, и ей стало

любопытно, почему её единственной подругой оказалась такая бестактная особа, как Уиллоу Сомерсет, а теперь миссис Манолис, с тех пор, как она вышла замуж за одного из самых влиятельных греческих миллиардеров.

Но как бы жестоко это не было, Уиллоу права.

Прошло уже шесть дней с тех пор, как она видела миллиардера. Шесть долгих дней, которые были вдвойне тяжелыми от того, с какой надеждой она ждала каждое новое сообщение или звонок Виллема, которые заставляли её врасплох.

В понедельник она получила одно сообщение в девять утра, когда стало ясно, что она ослушалась его приказа. Во вторник, он позвонил, и направил ей сообщение, когда она уже собиралась спать, и не ждала от него известий. В среду же, новое сообщение разбудило её утром. В четверг, он использовал голосовую почту, пока Серенити была в душе — пятнадцатиминутное послание, которое она прослушала уже, по меньшей мере, раз пятьдесят.

Серенити: Я в порядке.

Возможно, если она повторит это несколько раз, то это станет правдой?

Уиллоу: Если ты в порядке, почему не хочешь поговорить с ним? Тебе нужно выяснить всё. Вам двоим это нужно.

Серенити: Только влюблённые выясняют отношения.

Она вздрогнула, как только нажала кнопку отправить. Время двигаться дальше, Серенити.

Уиллоу: Хочешь сказать, он тебя не любит?

Серенити: Никогда не любил.

Даже печатать эти слова было больно, поэтому Серенити прикусила губу, не позволяя ей предательски дрожать. Чтобы отвлечься, она устремила взгляд на живописные виды из окон библиотеки. Эта часть здания имела выход на залив, даря посетителям возможность любоваться парусниками, рассекающими тёмные воды реки.

В эти дни, она предпочитала проводить больше времени в библиотеке, избегая общества Мелани, которая без умолку говорила о деньгах, и Шейн, которая грезилась о Виллеме и была уверена, что в скором будущем, он сделает ей предложение.

В первый же вечер, после визита Виллема, Шейн мучила их своими розовыми мечтами на будущее. Серенити жутко тошнило от того, как Шейн даже произносила его имя Виллем, Виллем, Виллем. Её не покидало навязчивое желание заткнуть уши и кричать. Это её Виллем. Ей так хотелось сказать это сестре.

Но она этого не сделала.

Потому что это была неправда.

Но, тем не менее, желание никуда не исчезло, поэтому, Серенити сбегала в библиотеку, и сидела там до тех пор, пока её двери были открыты. После этого, она отправлялась на вело прогулку вдоль каналов, и каталась до боли в каждой клеточке, а домой возвращалась только тогда, когда уже была не в силах держаться на ногах от усталости.

Это был замечательный способ держаться подальше от Мелани и Шейн, но совсем не помогало выбросить Виллема из головы.

Куда бы она не шла, видела Виллема.

Что бы не делала, думала о Виллеме.

И сколько бы не молилась, чувствовала Виллема внутри, завладевшего половиной её сердца.

Уиллоу: Я рядом, помни это. Знаю, что я не лучший знаток по успокаиванию, но помни, что я последний человек, который станет тебя осуждать за то, что ты испытываешь сейчас.

Сообщение заставило Серенити прижать пальцы к глазам, стараясь избежать нахлынувшие слёзы. Но как она могла обременять Уиллоу истиной, когда сама знала верный выход из этой ситуации?

Шейн встретила Виллема де Конаи первой, переспала с ним, и знала Виллема де Конаи таким, каким Серенити никогда не познает.

Здесь Серенити была третьим лишним, а не Шейн.

***

— Не понимаю, зачем он попросил взять Серенити с нами, — пробормотала Мелани, проходя с дочерью мимо чёрных дверей, покрытых лаком, которые для них придерживали два мужчины в униформе, Серенити безмолвно следовала за ними.

Таинственная улыбка играла на устах Шейн.

— Уверяю тебя мама, у меня есть свои причины, и поверь, они тебе понравятся, — взяв Мелани под руку, она повела мать в комнату, забронированную для VIP гостей «Дома плюща» — самого высокостатусного бутика Амстердама.

Глаза Мелани заметно расширились, когда она осознала, куда они пришли.

— Ты ведь знаешь, я не могу этого позволить, — прошипела она сквозь зубы. Не смотря на то, что она получала приличное жалование, как хорошо известный стилист Голландского высшего общества, этого было мало для похода в «Дом плюща». «Vogue» недавно отметил этот модный дом, показав ценники с пятью нулями за какой-то клочок ткани.

Но дочь только похлопала её по руке.

— Это не будет проблемой, дорогая, потому что... — Она сделала паузу, т.к. сработал датчик, и отворилась стеклянная дверь, открывая их взору высокого, белокурого мужчину, одетого в безукоризненный тёмно-серый костюм, сшитый на заказ, в паре с шикарными итальянскими туфлями.

Мелани испустила восторженный смешок.

— Ах, это Виллем, — она одарила дочь понимающим взглядом, и направилась вперёд, расцеловать миллиардера. «Ох, какая будет находка заполучить такой лакомый кусочек в качестве своего зятя», мечтательно подумала она. Их проблемы будут решены навсегда.

Серенити замерла, пытаясь понять, каким образом она вновь попала в общество миллиардера. Изумлённо, она пыталась воссоздать слова, которые говорила Шейн. Вся семья была приглашена на закрытый модный показ, и должны явиться все, т.к. ей будет неудобно объяснять отсутствие Серенити.

Правда ли это, взволновано подумала она. Но если не так, к чему тогда Шейн было врать?

И не смотря на скорость, с которой проносились мысли в её голове, внешне она казалась спокойной, и продолжала наблюдать за чёрно-белыми узорами вельветовых стен бутика. Они были роскошны и элегантны одновременно, и она старалась отвлечься, считая завитки узора в уме, пока Мелани и Шейн обменивались любезностями с миллиардером.

Но прошло всего несколько мгновений, и Серенити услышала голос сестры, называвший её имя, и она знала, выбора не осталось.

Медленно она прошла вперёд и подняла глаза, чтобы встретить взгляд Виллема...

Картинка — воспоминание вспыхнула в её памяти.

Виллем обхватывает ладонями её лицо...

Губы Виллема опускаются на её...

Язык Виллема требовательно овладевает её ртом...

Щёки Серенити залились краской, как только миллиардер мягко произнёс:

— Приятно вновь тебя встретить, Серенити, — но то, как сверкали его ярко-голубые глаза, Серенити тут же осознала, что Виллем прекрасно знает, что она сейчас испытывает.

Мелани нахмурилась.

— Тебя не лихорадит? Только не говори, что ты пришла с простудой или ещё чем-то.

Серенити покачала головой.

— Нет, мад, — она уловила предупреждающий взгляд, и тут же исправилась, — Мелани. Её мачеха предпочитала, чтобы в обществе, они все притворялись семейством с прекрасными отношениями.

Она вернулась взглядом к Виллему, как раз, чтобы увидеть, как сестра берёт его под руку. Глаза Шейн блистали, а щёки пылали в предвкушении, когда она произнесла:

— У меня есть объявление.

— Мои поздравления, — голос Серенити звучал неестественно, и каждое слово она с трудом выдавливала из себя, да и вообще решила сказать это, чтобы Виллем не думал, что она опечалена или её сердце разбито. Даже если и то и другое было правдой.

— Спасибо, — голос миллиардера звучал благодарно, но казался, издевательством над потрескивающей тишиной укромной зоны отдыха бутика, где они сидели немного поодаль на одном диванчике. — Хотя, должен заметить, что мне весьма любопытно.

— Да? — Она почувствовала, пристальный взгляд Виллема на себе, и не могла не заламывать руки, держа их на коленях. Если бы она могла быть более дерзкой, беспомощно подумала Серенити. Если бы от одной мысли о противоречии её дыхание не сбивалось, она бы отказала Шейн ещё дома отправляться сюда вместе с ними. Если бы она это сделала, она бы тут не сидела сейчас в предобморочном состоянии от боли, разрывавшей её тело изнутри.

Виллем собирается жениться на её сестре.

Это был конец её света.

Зато начало для Шейн и Мелани, которые сейчас с превеликой радостью отправились в след за старшим консультантом бутика использовать неограниченный кредит, любезно предоставленный женихом её сестры.

Опустив локоть на спинку дивана, Виллем всем телом подался на встречу Серенити.

— С чем ты меня поздравляешь?

Как и ожидалось, вопрос тут же привлёк её внимание, и в небесно-голубых глазах загорелся огонёк интереса.

— Извини?

Он пожал плечами.

— Ты меня прекрасно слышала. С чем ты меня поздравляла? — Одна бровь элегантно изогнулась, когда он продолжил. — Быть может, ты решила, что я сделал предложение твоей сестре?

Челюсть Серенити отвисла. Для неё это было необычное состояние, но прямо сейчас она сомневалась, стоит ли ей быть сдержанной или всё же вежливой. Она только и смогла прошептать:

— А что, нет?

Виллем просто ответил:

— Нет.

— Я не понимаю, — беспомощно пролепетала она. Серенити в полном потрясении часто заморгала, её длинные ресницы, словно шёлковые опахала порхали над её фарфоровой кожей. «Один вид, которой был невероятно соблазнительным и дразнящим», мрачно подумал Виллем.

Скрывая все свои мысли за непробиваемой маской, Виллем небрежно ответил:

— Твоя сестра ведь тоже не упоминала о замужестве, не так ли?

— Да, но она сказала, что ваши отношения выходят на новый уровень.

— Так и есть. Только это будет не женитьба.

— А ещё она сказала, что ты желаешь, чтобы мы прибыли в поместье Контини, чтобы королевская семья решила насколько мы подходим...

— Я солгал.

В тоже мгновение, Серенити поняла, что произошло, что он наделал, и даже не успев опомниться, она...

Дала ему пощёчину.

— Ублюдок! — Он ведь прекрасно понимал, идиот! Он же знал, что она подумает, и всё равно пошёл на этот мучительный обман!

Его голова дёрнулась в сторону. Виллем осторожно прикоснулся к щеке, медленно поднимая взгляд на Серенити.

— Зачем ты позволил поверить мне в это?

— Поверить во что? — Он бросил ей вызов. Но когда в ответ получил только молчание, ответил за неё. — Что я собираюсь жениться на другой?

Всхлип вырвался из уст Серенити, и даже сквозь гнев, бушевавший в нём, Виллем не мог спокойно видеть её мучений.

Взглянув на охрану, он указал им головой на дверь, и те тут же оставили их наедине. Будучи проинформированными, заранее, они будут стоять снаружи, и появятся только в случае приближения Шейн или Мелани.

Когда они, наконец, остались одни, Виллем еле слышно сказал:

— Прости.

Но тень страдания залегла в её взгляде, и видя её такую хрупкую и бледную по его вине, Виллем должен был признать одну истину.

Она не может жить без него, а он не может жить без неё, зная, как она в нём нуждается.

Но это не значит, что они любят друг друга.

Ему только нужно убедить её в этом, и всё будет в порядке.

— Сири, — она тут же часто заморгала, будто один звук её собственного имени причиняет ей боль. Шумно втянув воздух, он строго сказал. — Ты знаешь, что я за человек. Ты знаешь, что я не перед кем не объясняюсь, но ты... я попробую. Всего один раз. Только сейчас. Не хочу, чтобы ты и дальше страдала, — он стиснул зубы. — Я больше не могу видеть твою боль.

Серенити сглотнула.

— Я с-слушаю, — всё, что она смогла сказать, когда на самом деле хотела кричать, что тоже самое испытывает и она сама. Видеть его мучения — также мучительны и для неё.

Но вдруг, его губы изогнулись в улыбке, будто он знал, что у неё на уме, будто так хорошо изучил, что с лёгкостью мог читать её мысли.

И потому, что она так же прекрасно его знала, чувствовала его сердце, хоть ни разу и не испытала радости его ласк, Серенити также легко истолковала значение его улыбки.

«Я знаю, ангел» — говорила улыбка. Я знаю, но это не то, чего я от тебя хочу.

От осознания истины ей отчаянно хотелось рыдать, и когда он начал говорить правду, то, чего она отчаянно не желала знать, слёзы не спрашивая разрешения, покатались по щекам.

— Отец начал меня избивать, когда мне было семь.

Слёзы стремительным водопадом падали вниз.

Она просто не могла, не могла представить, что такого прекрасного человека, как Виллем де Конаи избивали. Он был человек-гора, покровитель всего клана де Конаи, он был её сильным и непоколебимым стражем, внушившим веру в себя.

— Причина его гнева была не во мне, и он не преследовал цель убить меня, — широкие плечи миллиардера естественно вздрогнули. — Я бы мог терпеть это до своего

совершеннолетия, но чем старше я становился, тем отчётливее осознавал, что одного меня ему будет мало. Когда я увидел, как он пытается разбудить Ника, чтобы избить, я понял, что обязан действовать, — он обратился к Серенити пустой на эмоции взгляд. — И я это сделал. Нашёл способ, как раздобыть номер телефона бабушки, позвонил и рассказал всё, что происходило.

— Но она не забрала тебя? — Прошептала Серенити.

— Я и не просил, и не дал ей возможности даже предложить это мне. Если бы люди узнали об издевательствах моего отца или о бесконечных изменах матери, это бы настроило их против королевской семьи, и подарило оппозиции рычаги воздействия на королеву, — он сделал паузу и немного посомневавшись, протянул руку к лицу Серенити, чтобы утереть её слёзы.

— Всё было не так плохо, Сири.

Она надломилась.

В тот самый момент, как только он прикоснулся к ней, как только она услышала его успокаивающий голос, которым он раньше с ней говорил, хрупкая защита Серенити надломилась, и не думая, что их может кто-то увидеть, она бросилась в его объятия.

Виллем усадил её к себе на колени и обхватил её тело, словно защищая от всего вокруг, в то время, как Серенити крепко обвила его шею.

Она уткнулась мокрым от слёз лицом в его шею и придалась рыданиям. Она оплакивала ребёнка, которым он был, оплакивала миллиардера, который спас её, оплакивала Виллема — мужчину, в которого была влюблена уже столько лет.

Ещё плотнее обхватив его за шею, она отчаянно выдохнула:

— Мне жаль.

Это было, словно ягнёнок хотел защитить льва, и мягкий, хриплый смех вырвался из миллиардера. Оставив поцелуй на её волосах, он прошептал:

— Это в прошлом, ангел, — но эти слова подействовали, словно открытые шлюзы для плотины, и Виллем ощутил, как её хрупкое тело прижимается ещё сильнее к нему и содрогается от рыданий.

— Я н-не м-могу поверить, ч-то т-тебе приходилось ж-жить с отцом, к-которой избивал т-тебя.

Он покачал головой.

— Всё было не так плохо, — тихо произнёс он. Но то, как Серенити продолжала вздрагивать, говорило о том, что она ему не поверила. Немного отклонившись, указательным пальцем Виллем приподнял подбородок Серенити, чтобы она могла видеть искренность в его глазах. — Даже если это и не так, мне тогда было всего одиннадцать лет, и королева сделала всё возможное, чтобы власть семейства легла на мои плечи, а не отца. С тех самых пор, отец не имел возможности причинить боль мне или моим братьям и сёстрам.

Бережно убрав влажные пряди волос с её лица, Виллем оставил нежный поцелуй на её челе, и когда понял, что она закрыла от удовольствия глаза, шёпотом открыл своему ангелу вторую половину истины.

— В тот день я научился быть сильным. Но взамен, я потерял своё сердце.

Серенити дёрнулась в его руках, но он усилил хватку, не давая ей отстраниться.

— Как только ты тогда поцеловала меня впервые, я понял, что ты думаешь, что влюблена в меня, — Серенити пыталась вырваться в знак протеста, но он продолжил. — Не имеет ни малейшего значения любишь ты меня или нет. Единственная вещь, которую ты

сейчас должна уяснить — я не люблю тебя в ответ, — он увидел, как побледнела Серенити, но это его не остановило. — В тот день, когда ты меня поцеловала, ты выглядела, словно тебя поразила молния. Смотрела на меня так, словно солнце взошло и тут же скрылось за горизонтом...

— Прекрати это, — дрожащим голосом прошептала Серенити.

— Дело в том, — напряженно продолжал он, — всё, что ты чувствовала... не случилось со мной...

Надломленный вскрик вырвался из её уст.

— И я благодарен Богу за это, — жестко закончил он. — Потому что, я не желаю любить тебя, — сейчас, когда он начал говорить, понимал, что не сможет остановиться, пока не выплеснет всё из своей системы.

И после этого...

После этого Серенити должна была принять решение — желает ли она по-прежнему его в своей жизни.

— Даже сегодня, ангел, мои родители продолжают исповедовать любовь друг к другу. И с ними это произошло так же, как ты думаешь было и с тобой — разряд молнии, стрела Купидона, и вся остальная чушь собачья, которой называют это люди. Такова любовь моих родителей, но я презираю их за это. Я ненавижу их за то, что они используют любовь, как оправдание, чтобы уничтожать друг друга... причинять боль собственным детям.

Втянув громко воздух, он обхватил лицо Серенити ладонями, установил зрительный контакт и спокойно сказал:

— Я не люблю тебя, Сири, и для меня это хорошо. Я бы ни за что не позволил остаться тебе в моей жизни, если бы полюбил. Но я не люблю. И поэтому, прошу тебя вернуться в мою жизнь.

Он ждал её ответа.

А вместо этого, услышал стук в дверь, прежде чем охрана вошла, и сообщила, что Шейн и Мелани возвращаются.

— О, Боже мой, ты выглядишь таким уставшим, дорогой. Мне так стыдно, что я была такой эгоистичной стервой и заставила тебя быть нянькой.

Серенити тупо наблюдала за тем, как её сводная сестра осыпает лицо миллиардера поцелуями. Но когда Шейн попыталась оставить поцелуй на его губах, Серенити тут же отвернулась, и так и не увидела холодный взгляд Виллема, отсекавший всякую попытку завершить намерение её сестры.

Серенити склонила голову, выслушивая трели Мелани и Шейн о состоявшемся шопинге, в основном, дело касалось космических ценников, а не конкретных вещей, которые им понравились.

Когда Шейн стала придаваться мечтам, что же она наденет, когда будет в постели с Виллемом, Серенити лишь сильнее стала заламывать себе руки, не придавая значения тому, что всё это время, Виллем пытался уловить её взгляд. И когда уже казалось, что Шейн не собирается замолкать, Серенити резко встала с места.

— Думаю, моя очередь что-то себе подобрать, — Серенити пробормотала себе под нос и, не дожидаясь ответа, покинула зону отдыха.

Она уже практически добралась дверей на выходе, как вдруг перед ней выросли охранники Виллема.

Серенити хотела протестовать, но тут же поняла, кто были эти двое.

— Мистер Молен и мистер Смит.

— Большое удовольствие вновь видеть вас, мисс Роли.

— Мы только что вернулись из командировки в Контини, и получили распоряжение прямиком из аэропорта направляться сюда.

Серенити почувствовала себя неловко.

— Вы ведь не выпустите меня, не так ли?

Двое одарили её добродушными улыбками, но так и не сдвинулись с места.

Если бы это был кто-либо другой из охраны, она бы улизнула от них, и они бы и пальцем не посмели коснуться её. Но эти двое были другими... и Виллем знал это.

— Боюсь, что это приказ мистера де Конаи, — мягко сказал мистер Молен.

— Если вы позволите, — продолжил мистер Смит, — мы можем сопровождать вас на другие этажи. Консультанту было обещано приличное вознаграждение, если ей удастся угодить вам.

Серенити поморщилась.

— Что значит, если я ничего не приобрету, её сердце будет разбито, — она нахмурилась, глядя на мужчин. — Это вы хотите сказать?

Ещё более широкие улыбки.

Трое двинулись в путь.

— Как в старые добрые времена, правда, мисс Роли? — Довольно спросил мистер Молен.

Серенити вздохнула и тихо ответила:

— Вы двое всё знаете, не так ли?

— С того самого дня, когда мистер де Конаи искал повод навестить вас в школе, — ответил мистер Смит.

Сохраняя взгляд решительным, она сказала:

— Что ж, эти чувства не взаимны.

И тут же, вспомнив слова миллиардера, её сердце сжалось, затрепетало и отозвалось болью во всём теле.

Единственная вещь, которую ты сейчас должна уяснить — я не люблю тебя в ответ.

В тот день, когда ты меня поцеловала, ты выглядела, словно тебя поразила молния.

Смотрела на меня так, словно солнце взошло и тут же скрылось за горизонтом...

Дело в том, всё, что ты чувствуешь... не случилось со мной...

Серенити закрыла глаза.

— Он сам мне это сказал. И я... я верю ему.

***

Виллем: Где ты сейчас?

Серенити: В примерочной. Как и было велено.

Виллем: Хорошая девочка.

Серенити: Только потому, что ты не оставил мне выбора.

Виллем: Я отвечаю за каждое сказанное мною слово.

Серенити: Этого я и боюсь, мистер де Конаи.

Он практически, практически улыбнулся.

Серенити: А ты где?

Виллем: Всё ещё с твоей семьёй. Кажется, они вновь собираются за покупками.

Серенити: Ясно.

Виллем: Тебе стоит сказать только слово, и они узнают всю правду. Поверь мне, они не посмеют тебя винить.

Серенити: Всё в порядке. В любом случае, рано о чём-то говорить.

Виллем: Ты во мне сомневаешься?

Серенити: Скорее в себе.

Виллем: Что это значит?

Когда прошла целая минута, а Серенити всё не отвечала, он знал, что нужно её сейчас же отыскать, пока её вновь не посетили сумасшедшие мысли. Виллем вспомнил бледное и печальное лицо Серенити, когда Шейн рассказывала о том, как они занимались сексом и его губы напряглись. Т.к. ему не удалось даже взглядом встретиться с Серенити, он понимал, что обязан с ней поговорить, но не для того, чтобы получить её ответ, а чтобы убедиться...

Виллем сделал глубокий вдох.

Ему просто нужно убедиться, что с ней всё в порядке.

Подняв взгляд вверх, он ждал, пока Шейн замолкнет, чтобы сделать вдох, и когда этот момент, наконец, настал, он тут же встал, и произнёс извиняющимся тоном:

— Боюсь, я должен покинуть вас. У меня назначена встреча, которую нельзя пропустить, но пожалуйста, не отказывайте мне в радости оплатить ваши покупки. Мой счёт в вашем распоряжении. Уверен, вы видели ещё не все отделы.

— Ты уверен? — Шейн притворилась смущенной, хоть её сердце и запорхало при мысли о продолжении шопинга.

— Ну, конечно же, — Виллем улыбнулся женщинам. — К тому же, это будет для меня сущим оскорблением, если вы обе и Серенити выйдут отсюда всего с одним пакетом.

Шейн практически бросилась от радости ему на шею, но тут же остановилась, вспомнив его реакцию в прошлый раз. Вместо этого, она ограничилась милой улыбкой.

— Спасибо, дорогой. Это так много значит, — все, что она сейчас делает и говорит, находится под пристальным присмотром, как сказал ей Виллем, королева любит женщин вдумчивых, а не импульсивных.

Как только Виллем покинул зону отдыха, он тут же свернул к лифтам, а не пошёл на выход. Встреча, о которой он говорил Шейн, служила только поводом уйти, на самом деле, ему нужно было поговорить с Серенити наедине.

Бутик состоял из нескольких этажей, с разными отделами на каждом из них. Лифт остановился на третьем, куда была доставлена Серенити по его указаниям.

Обслуживающий персонал приветствовал его, на что Виллем кивнул им в знак признания. Они знали, кто он и понимали, что не стоит беспокоить его разговорами. Мало кто знал, но бутик «Дом плюща» принадлежал его двоюродной сестре, так что весь персонал был осведомлён, как подобает себя вести в присутствии королевской особы.

Когда Виллем прошёл к примерочным, жестом показывая всему персоналу удалиться, остановился у единственной кабинки, где виднелись изящные щиколотки.

Он постучал в дверь.

— Вы принесли размер «S», который я просила?

Виллем не отвечал.

— Мисс?

Виллем терпеливо ждал.

Дверь медленно приоткрылась, и показалась голова Серенити.

Когда её глаза расширились от удивления при виде него, Виллем произнёс с довольной улыбкой:

— Сюрприз.

Серенити тут же попыталась захлопнуть дверь, но Виллем оказался быстрее. Прежде, чем она поняла, что происходит, Виллем уже присоединился к ней в кабинке, закрыл дверь и запер её на замок.

Она только хотела закричать, но Виллем со зловещим смехом притянул её в свои объятия и овладел её ртом.

Серенити вздрогнула от шока. Но уже мгновение спустя, волна наслаждения разлилась по её телу от того, как Виллем углубил свой поцелуй. Его губы нежно порхали над её, а затем он бережно прикусил её нижнюю губу, слегка её посасывая.

— О-отпусти меня, — она пыталась мужественно сопротивляться, хоть всё тело и ослабло под напором его страсти.

Виллем только отверженнее стал её целовать, и прошептал в её уста:

— Только, когда согласишься.

— На что? — Было сложно думать, когда он так близко был возле неё, а его мощное тело соприкасалось с ней.

Он взглянул на неё.

— Чтобы ты вернулась в мою жизнь.

Она покачала головой и прошептала:

— Шейн...

Он нахмурился.

— Не заставляй меня повторять, ангел. Я тебе всё сказал.

— Но не объяснил почему, — прошептала она. — Ты же мог сказать, что это всё было подстроено специально, чтобы мы могли только поговорить. Но не стал. Ты хотел, чтобы я решила, что вы с Шейн собираетесь жениться, и я даже не хочу допускать мысли, что это было сделано специально, чтобы причинить мне боль, — она сделала паузу. — Ведь это не так? Правда?

Виллем мысленно выругался, когда её голос задрожал в конце. Боже, как она молода, как чертовски невинна. Это заставило его ещё раз задуматься, во что он себя впутывает, даже пусть и временно, связываясь с девятнадцатилетней девушкой.

Но затем, он увидел её глаза, будто тени прошлого не давали ей покоя, как тогда, когда она не могла простить себе смерть отца...

— Правда может тебе не понравится, — кратко ответил он.

Серенити кивнула.

— Но всё же, это будет правда.

Сделав ещё один глубокий и тяжелый вздох, Виллем выпалил на одном дыхании:

— Хочу, чтобы ты поняла, что на самом деле тоже не любишь меня.

Рот Серенити распахнулся от удивления. Она ожидала чего угодно, но этого она совсем не понимала. Медленно качая головой, она прошептала:

— Я не понимаю.

— Ты думаешь, что любишь меня, — резко ответил он, — но это не так. Я видел, как это происходит. И если бы ты и правда любила меня, то узнав, что я собрался жениться на другой, ты бы сходила с ума. Ты бы желала моей смерти, возможно даже, попыталась убить меня. Но ты не стала. Ты даже, мать твою, поздравила меня. Так что, о чём это тебе говорит? — Он яростно схватил её за плечи, будто пытаясь вытрусить из неё правду. — Ты не любишь меня. И я рад этому.

Ты не любишь меня... и я рад этому.

Слова сами собой эхом повторялись у неё в уме.

Снова и снова, пока она поняла, что это не сон.

Она взглянула на Виллема.

Её защитник, её спаситель, её личный Голландский миллиардер.

Её самый красивый, очаровательный... идиот.

Как кто-то настолько умный и образованный может быть таким чертовски непонятливым? Её так и подмывало расхохотаться, и она бы так и поступила, если бы равно также ей не хотелось рыдать.

Виллем де Конаи считал, что любовь имеет всего одну форму, одно обличие, ту любовь, которую он видел у родителей. Ужасная, разрушающая любовь, которую он ненавидел и не хотел в своей жизни, даже если это означало отвернуться от неё.

И если он поймёт, что она его действительно любит, тут же уйдёт.

И что же ей теперь делать?

Сказать, что не любит его и остаться... или же сказать правду, чем оттолкнуть его навсегда?

Она закрыла глаза, и слёзы взяли верх над смехом.

— Ох, Виллем.

Только время покажет, судорожно подумала она. Время — это то, что больше всего ей нужно, время дать ему понять, что он ошибается, время открыть ему новые обличия любви и что её чувства абсолютно иные, нежели у его родителей.

Её любовь... не знает границ.

Её любовь... продолжительна.

Её любовь... уступчива.

— Теперь ты понимаешь? — Хрипло спросил он.

Она медленно кивнула.

— Д-да, — теперь, она поняла Нужно лгать. Ради того, чтобы быть с ним, открыть ему глаза, и научить своему способу любить, она будет лгать, что не любит его.

Их взгляды встретились.

— Ты прав, — прошептала она, — я в-вероятно не люблю тебя, но ты н-нужен мне...

Его рот вновь овладел её.

— И ты мне нужна, ангел, — его голос звучал отчаянно. — Нужна мне навсегда, — он начал что-то ещё говорить, но тут снаружи послышались голоса.

Глаза Серенити стали размером с блюда.

— Серенити, ты тут?

Видя панику на лице Серенити, Виллем приложил палец к губам, напоминая ей хранить молчание. В то же время, он отпустил её, а сам опустился на небольшой пуф в углу кабинки, затем притянув Серенити себе между ног, упёрся стопами по разные стороны двери.

Если кто-то захочет заглянуть под дверь, ни за что не догадается, что она тут не одна.

— Серенити! — В голосе Мелани слышалось нетерпение.

— Ответь ей, — одними губами произнёс Виллем.

— Я-я з-здесь, Мелани, — сказав это, Серенити почувствовала, как миллиардер привлекает её ближе к себе, и её глаза немедленно расширились от тревоги.

— Почему ты так долго не отвечала? — Это уже с подозрением спросила Шейн.

— Это в-всё этот к-купальник, — её миллиардер озорно улыбался ей. Озорно. Виллем де Конаи в приподнятом настроении. Она была в восторге.

— Что там с ним? — Потребовала Шейн.

— Он слишком г-гламурный, — её дыхание перехватило, когда Виллем развернул её к себе спиной. Сглатывая, она ответила. — Слишком гламурный для меня, — Виллем медленно потянул молнию её платья вниз.

Шейн и Мелани разразились смехом.

— Конечно, он будет гламурным, — возразила мачеха. — Знаешь ли, это «Дом плюща».

— И-извините, — она едва могла говорить, т.к. Виллем медленно оставлял поцелуи на её оголённом позвоночнике.

— Я клянусь, Серенити, ты такая провинциалка, — давилась со смеху Шейн.

— И-извините, — это было единственное слово, которое вспомнила Серенити, потому что Виллем повернул её к себе лицом, и уже спускал платье с её плеч. Оно соскользнуло по рукам, прежде, чем шёлковой лужицей упасть к её ногам.

Миллиардер долго и пристально изучал её, и Серенити казалось, что всё её тело покраснело под его взглядом, скользившем по её груди, покрытой кружевами, и нежным гипюровым трусикам, которые едва скрывали её чувственный холмик.

За пределами кабинки Шейн и Мелани активно обсуждали с консультантом последние новинки среди купальных костюмов.

Виллем аккуратно потянул вниз локон белокурых волос, и Серенити тут же поняв его знак, наклонилась вперёд. Он тут же обвинил её руками в поисках застёжки бюстгальтера. Расстегнув его, он прошептал ей:

— Чтобы я не делал...

Серенити сглотнула

— Ни единого звука.

Её бюстгальтер присоединился к платью на полу.

А потом, миллиардер бережно обхватил её нежную молодую грудь. Их взгляды встретились, и она едва подавила стон, при виде желания в ярко-голубых глазах Виллема. Ещё мгновение, и вот его губы уже накрыли один из сосков.

Когда он начал сосать, её мир стал вращаться быстрее, и она поняла, что ослабленными руками хватается за стенки кабинки.

Он долго и жадно сосал каждый сосок, и только когда её коленки начали трястись, он прекратил свои мучительно соблазнительные действия и поднял голову.

Он выглядел довольным, видя ошеломлённые глаза Серенити. Его глаза по-прежнему держали её в плену, когда он медленно добрался до её трусиков.

Её губы приоткрылись в беззвучном возгласе.

Пальцы Виллема проникли внутрь.

Его глаза расширились от удивления. Влажная. Губами произнёс он ошеломлённо.

Она вздрогнула, и когда из её киски выделилось ещё больше влаги, миллиардер вздрогнул тоже. Её влажность, видимо слишком завела его, потому что уже через мгновение Виллем сорвал с неё трусики.

Снаружи Шейн и Мелани пришли в шок от звука разрывающейся ткани.

— Боже мой! — Простонала мачеха. — Только не говори, что ты что-то порвала!

— Так... и есть, — с трудом выдохнула Серенити, потому что пальцы миллиардера скользили вверх-вниз по её складочкам. Сначала медленно, а затем всё быстрее и быстрее, пока её мир не стал раскачиваться с тем же темпом, что и его волшебные пальцы.

— Тебе определённо придётся это купить, — зло заявила Шейн. — Господи, какое расточительство.

— Извините! — Слово вырвалось с криком, потому что миллиардер внезапно погрузил в неё один палец. Виллем содрогался от смеха, и Серенити сжала его твёрдые, словно камень плечи.

— Только не впадай в истерику, — простонала Шейн, неверно истолковав крик Серенити.

Сгорая со стыда, Серенити опустила взгляд на своего миллиардера. Не вздумай это повторить...

Но он сделал это вновь, застав её врасплох, погружая в неё второй палец.

Она припала спиной к двери, произвольно закатив глаза. О. Боже. Мой. Она сильнее сжала плечи миллиардера, когда он начал безжалостно иметь её пальцами.

Звук ударов тела Серенити о дверь, вызвал бурю негодования у её мачехи и сводной сестры.

— Кажется, у неё один из тех припадков, — прошептала Мелани.

— Нам лучше уйти, — поспешно ответила Шейн, — пока она не... Не хочу носиться с ней по больницам. Там так депрессивно.

Когда Серенити услышала, как стихли шаги её сводной сестры и матери, она опустила взгляд на Виллема. Они ушли?

Его пальцы на мгновение замерли, и он прислушался к звукам снаружи.

Серенити захотелось кричать в знак протеста.

Виллем взглянул ей в глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ушли.

Они вздёрнула бровь. Уверен? Она подалась бёдрами вперёд, пытаясь заполучить пальцы миллиардера ещё глубже, но у него, по всей видимости, были совсем другие планы, и он потянул их обратно на себя. Невыносимая агония поразила всё её тело, и прежде, чем она осознала, что делает, выкрикнула:

— Виллем!

Казалось, миллиардер только и ждал, пока она сдастся, и когда она выкрикнула его имя, он принял это за приглашение. Быстро высунув пальцы, он припал языком к её клитору.

Серенити закатила глаза, теряясь в ощущениях.

— О, Боже, Виллем.

Он начал поглощать её. Овладевать. Его язык ритмично двигался, проникая в её киску, исследуя каждый уголок и каждую чувственную клеточку её нежного места, тем временем поигрывая пальцами с клитором.

Мир Серенити начал активно вращаться, а бёдра содрогаться.

О, Боже. О, Боже. О, Боже.

Этот вид удовольствия совершенно невыносимо контролировать, невозможно сдерживаться.

Язык Виллема начисто вылизывал её складочки, и Серенити поняла, что сжимает его волосы. Она почувствовала, как Виллем уткнулся в её бугорок и прикусил клитор. Серенити напряглась. Какая-то часть её кричала. Это оно. Это оно. Это оно.

Но это всё равно застало её врасплох.

Виллем покусывал клитор, в тот же миг, проникая тремя пальцами в её киску.

Это пришло из ниоткуда.

— О, Боже, Виллем, — выкрикнула Серенити, когда оргазм мощной волной накрыл её тело, и она тонула, Боже, она тонула в тёплых волнах удовольствия. Она содрогалась в руках миллиардера, продолжая купаться в нахлынувшем экстазе.

Когда это закончилось, она, даже не задумываясь, просто обмякла в объятиях Виллема.

Её миллиардер с лёгкостью подхватил Серенити, усаживая себе на колени.

— Это только начало, Сири.

И так и было.

Серенити всегда понимала, что Виллем де Конаи, словно одна из стихий природы. Она работала на него несколько лет подряд, и прекрасно знала, как весь мир относится к нему, и что говорит о нём.

«Европейский сладкоголосый мерзавец», — говорили они. «Безжалостный переговорщик, который выбьет из вас согласие, даже не повышая голоса, игнорируя ваше недовольство». Она сотни раз слышала данные утверждения и считала их преувеличением. Её Голландский миллиардер абсолютно не был похож на того, кем его считают. Он был воплощением очарования, олицетворением благородства, и самым добрым джентльменом, которого она только встречала.

Или же это были всего лишь её заблуждения, пока она не узнала, что на протяжении пяти лет, Виллем словно носил нежные лайковые перчатки.

Но теперь они были сняты.

Теперь, она поняла, что всё, что о нём говорили, и даже больше — правда, и Серенити влюбилась в него вновь.

С того дня в бутике, Виллем стал крайне настойчив, используя свою власть и авторитет, чтобы Серенити проводила с ним каждую свободную минуту. «Работай на меня вновь» — сказал Виллем, прежде, чем они присоединились к её семье. И потому, что на самом деле, она никогда не могла противостоять ему, она просто ответила: «Хорошо».

В первый день, когда Серенити вернулась в компанию «де Конаи», сотрудники обступили её с поздравлениями о возвращении, и со слезами на глазах радовались, что Виллем де Конаи вернулся в своё прежнее умиротворённое состояние, и делились с Серенити небылицами о том, как их генеральный директор из доктора Джекилла превратился в мистера Хайда (прим. Из романа Роберта Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»).

«Он был, словно разъярённый зверь, бросался на всех», поведали ей в общем чате Skype.

«Уволил семь личных помощников, с момента её ухода», делились они, не подозревая, что Виллем настоял, чтобы Серенити включила громкую связь данной конференции.

Истории продолжались и продолжались, а Серенити не смела проронить и слова. Её эмоции пошли в скач от чрезмерности чувств, овладевших ей, пока миллиардер внимательно слушал всё, что о нём говорят, пока она сидела у него на коленях, а он тем временем поглаживал её бедро, лениво заявляя свои права.

Но затем, разговор ступил на тонкий лёд, когда поднялась тема причины таких перемен миллиардера.

«Может ли такое быть, что твоя сестра и босс поссорились, а ты как-то к этому причастна?»

При первом же упоминании Шейн, лицо миллиардера напряглось, и Серенити тут же прервала конференцсвязь, зная, что они слишком близко к тому, чтобы прежний нрав Виллема дал о себе знать. Его было не так легко вывести из себя, но за последние месяца сотрудники узнали, каким диким зверем он может быть.

Как только звонок был окончен, Серенити тут же оказалась на столе, а миллиардер расположился к ней лицом.

— Позволь мне всё рассказать Шейн, — повелительным тоном произнёс Виллем. —

Она разумна и практична. Она поймёт.

Слушая, как Виллем говорит о её сводной сестре, Серенити хотелось смеяться, даже не смотря на боль в сердце. Она поняла, что Виллем так же заблуждается при виде красивой женщины, как и остальные мужчины.

Серенити желала сказать ему, как сильно он заблуждается, потому что Шейн уже наперёд всё спланировала, что касалось Виллема. Но в итоге, она всего лишь покачала головой, гордость не позволила ей рассказать всё, что она знала.

«Если он действительно её любит, — рассуждал юный и идеалистический ум Серенити. — тогда он должен легко разгадывать уловки других женщин. Если он действительно её любит, не будет так слепо поддаваться очарованию».

И это было единственное, в чём Серенити смела послушаться.

— Давай не будем раскачивать лодку без особой надобности, — услышала Серенити свой голос, на что миллиардер пристально уставился на неё, от чего она заёрзала на столе. Если бы только он сказал, что желает поведать всему миру, что они вместе, тогда бы она изменила своё мнение. Если бы только дал понять, что она именно то, что ему нужно — то, чего никогда не делал Дэниэль Роли — Серенити сдалась бы его желаниям.

Но миллиардер этого не сделал.

Вместо этого, он выпрямился и тихо сказал:

— Только потому, что я тебя не люблю, не означает, что буду играть на два поля.

Возможно, это была и правда, но всё, что услышала Серенити было: «я тебя не люблю». Всё остальное для неискущённой Серенити уже не имело значения. А что действительно было важно, что Виллем не любил её, когда она сходила по нему с ума. И тут её бурное воображение сыграло злую шутку, когда такие сильные чувства, как любовь и ревность соединились воедино, это были те чувства, которых она не ведала, до встречи с Виллемом де Конаи.

Он не любит её, но это не означает, что он не сможет полюбить другую.

Итак, Серенити оставалась негибача в этом вопросе. Он может заполучить что угодно, но не это. Шейн не должна ничего узнать, по всеобщему мнению, она всё ещё была подругой Виллема, с которой он время от времени появлялся на публике, а Серенити всего лишь его помощник, замечательный интерн, не более.

— Ты не изменишь своё мнение? — Спросил миллиардер.

Серенити вздёрнула подбородок.

— Нет.

Виллем одарил её задумчивым взглядом.

— Пусть будет, по-твоему.

Серенити ожидала, что он будет раздражён её упрямством, но вместо этого, его губы изогнулись в убийственно красивой улыбке, из-за которой её сердце рвалось выпрыгнуть из груди.

— По крайней мере, это придаст некой изюминки, — пробормотал миллиардер.

Данное высказывание порадовало её, пока на следующий день первым, о чём распорядился миллиардер, было встать лицом к стеклянной стене, отделяющей его кабинет от остального офиса.

Серенити часто заморгала.

— Ч-что?

— Ты меня прекрасно слышала, — когда он говорил, его тон был мягким, и лёгкая

улыбка играла на губах. Но его глаза были абсолютно серьёзны, и Серенити поняла, что сама того не ведая, семенит за ним.

Она встала лицом к стеклянной стене, и дрожа всем телом, ждала его следующих указаний. Снаружи административный отдел занимался своей рутинной работой, и никто из них даже не догадывался, что происходило практически у них под носом.

Ох.

Она припала лбом к двери.

— Она не заперта, — выдохнула Серенити.

Виллем выгнул бровь.

— И?

Она вновь вздохнула.

— Но что, если кто-то войдёт?

— А кто-нибудь, когда-нибудь пытался это сделать без стука и последующего разрешения?

Отрицательно качая головой, она всё же пролепетала:

— Но что, если?

Виллем встал позади Серенити, и её голос тут же стих, когда он сжал её талию.

Он наблюдал, как она сглотнула, и всё, о чём он мог думать, каково это будет увидеть, как она проглатывает его сперму. Медленно её голова повернулась, ловя взгляд Виллема, который даже не пытался скрыть свою безудержную жажду владеть ею.

— Виллем.

Услышав, как сладкая, идеально сложенная Серенити шепчет его имя, убило напрочь весь его самоконтроль. С отчаянным рыком он набросился на её губы, практически причиняя ей боль. Он вжался в её попку, придавливая всем своим весом к стене, и расположил её ладони на холодную стеклянную поверхность.

Хныкая в знак протеста, когда миллиардер оторвался от поцелуя, она практически вскрикнула, когда он припал губами в её шее и жадно присосался к пульсу, отбивающему безумный ритм. Он так сильно сосал, будто хотел выпить её кровь, и она стала извиваться, не смотря на свои же протесты.

— Н-не оставляй отметин.

Но её миллиардер только засмеялся, и продолжил именно это и делать. С ней такого ранее не случалось, но она была не идиоткой, и знала, какие будут последствия, и Серенити пыталась вырваться из его хватки, думая как же она сможет объяснить такие следы.

— В-Виллем, н-нет.

Но миллиардер остановился только тогда, когда на её шее красовалась явная красная отметина.

Серенити с осторожностью прикоснулась к тому месту.

— Ох, Виллем.

В его голубых глазах плясали собственнические огоньки.

— Ты моя.

Серенити прикусила губу, прежде чем открыть правду, что она всегда была только его. Всегда. С самого первого дня, когда он заговорил с нею четырнадцатилетней, часть её души уже знала, что обрела кусочек рая.

А затем, миллиардер вновь начал её целовать, и все мысли мигом улетучились. Его руки умело пробежались по телу Серенити, с лёгкостью удаляя одежду, попадавшуюся на его

пути, тем самым поражая и тревожа её.

Виллем увидел хмурое выражение лица его интерна, и засмеялся.

— Ревнивая птичка, — охрипшим от желания голосом поддразнил он её, разворачивая к себе лицом.

Её хмурый взгляд превратился в злобную гримасу, когда она жёстко заявила:

— Ты слишком хорош в снимании моей одежды.

Миллиардер страстно её поцеловал.

— И будь за это благодарна, — произнося эти слова, он расстегнул застёжку её бюстгалтера и медленно спустил лямки с плеч.

Когда бюстгалтер присоединился к кипе остальных вещей на полу, Серенити осознала, как миллиардер жадно пожирает взглядом её бледное стройное тело. Она попыталась прикрыть грудь, но медленный краткий кивок заставил её опустить руки.

Когда Виллем нежно опустил ладонь на одну грудь, она вся затрепетала, а потом он захватил сосок в плен своим ртом, и Серенити не смогла подавить стон.

Виллем обхватил вторую грудь, и нежно массируя бледные аппетитные формы, не сводил с неё взгляда, поглощая каждую частичку отклика её тела.

— Прекрасная, — прохрипел он прежде, чем вновь развернуть её лицом к стеклянной стене.

Серенити ахнула, когда поняла, что прямо перед ней её сотрудники. Было что-то невыносимо возбуждающее в том, как она практически обнаженная, когда они полностью одеты, и даже не подозревают о том, чем они тут занимаются с миллиардером.

— Руки на стену, — приказал миллиардер, и как только она исполнила его желание, он тут же вновь накрыл её грудь своими заботливыми ладонями.

Он поигрывал ею, теребя соски, а затем, рисуя узоры на её плоти, округлившейся под натиском желания, Серенити с шумом втянула воздух, наблюдая за фигурами, перемещавшимися прямо за этой стеной, размышляя, а что же будет, если они попадутся.

Когда миллиардер отпустил её грудь, Серенити взглянула вниз, и поняла, что он опускается на колени. Он стоял прямо перед ней, когда Серенити попыталась убрать руки от стены, он покачал головой и приказал:

— Держи их там.

Так она и поступила.

Оставаясь на коленях, Виллем медленно стянул её трусики, и Серенити подняла сначала одну ногу, затем вторую, помогая их снять. Оставшись полностью обнажённой, за исключением туфель на высоком каблуке, она стояла неподвижно, впитывая его восторг.

— В-Виллем, прошу тебя, — Серенити чувствовала, как румянец смущения вновь покрывает всё её тело.

Он медленно провёл рукой по её травмированной ноге.

— Всё ещё болит?

Она медленно покачала головой.

— Я ношу одни из тех туфель, что ты дарил.

Он улыбнулся, опуская взгляд на её обувь. Трёхдюймовая шпилька от «Mary Janes» с чёрной лентой на боку.

— Они тебе идут, — тихо сказал он.

Виллем взглянул вверх и её дыхание перехватило.

— А сейчас, я планирую тебя съесть, — просто сказал он.

И так и поступил.

Серенити беспомощно царапала стекло, когда Виллем приступил к методичному поглощению, стараясь проникнуть языком как можно глубже в её нежное лоно. Он поедал её, пока ноги Серенити не начали дрожать, и она грудью припала к холодной стене, а когда он оторвал свой ненасытный рот, чтобы ублажать её пальцами, Серенити едва сдерживала крик.

Но у Виллема на это оказались другие планы.

— Я хочу тебя слышать, — потребовал он.

Серенити покачала головой.

— Но что, если они услышат?

— Доверься мне, — но на этот раз, когда его пальцы возобновили сладостную пытку, губы Виллема обхватили клитор и он принялся его отчаянно сосать.

С криком она запрокинула голову назад.

А это был всего второй день её работы.

Каждый последующий день, Серенити открывала дикую страсть, необузданную эротичность и нахально притягательную сторону миллиардера, которую она не ведала прежде. Каждый раз, когда они оставались в кабинете вдвоём, он желал, чтобы она сидела у него на коленях. Не имело значения, то ли она набирала одно из его писем, то ли он говорил по телефону. Он желал их тесного контакта, постоянно.

Не было ни единого дня в офисе, чтобы они не вступали в сексуальные игры, ни единого дня, чтобы её Голландский миллиардер не заставлял её кончить. Теперь, она взглянула на его кабинет по-другому. Стоило только увидеть его стол, и перед глазами тут же появлялся образ её в откровенно эротичной позе, пока Виллем наслаждался её киской. Или взглянуть на ковёр, и тут же ощутить жар воспоминания от их тел в необычной позе, ублажавших друг друга, пока волна бурного оргазма не накрыла их одновременно.

Куда бы она не посмотрела, румянец растекался по её щекам, и как только это заметил миллиардер, довольная улыбка озарила его лица, давая понять, что он точно знает ход мыслей Серенити.

Когда они были в машине, всё повторялось, только с меньшим количеством одежды на их телах. После недели постоянных указаний водителю выбирать самый долгий маршрут, больше повторять не приходилось. Каждый раз, когда миллиардер и его интерн оказывались на заднем сидении лимузина одни, он ехал так долго, как только мог.

Эти поездки всегда были весьма поучительны для Серенити. Это было место, где ей удалось впервые насладиться видом абсолютно голого тела Виллема, и увидеть, как его мышцы напрягаются и реагируют на её малейшее прикосновение. Также, это было первое место, где она ублажала миллиардера своим ртом, а он отдавал ей терпеливые указания, его пальцы были нежные, но настойчивые, когда он сжимал её волосы, пока рассказывал, как принять всю длину его члена.

Но самым любимым для Серенити в этих поездках было то, что каждый раз, когда они доводили друг друга до экстаза, затем следовали их душевные беседы. Это были заветные моменты, когда она сворачивалась калачиком в руках миллиардера, а он рассказывал ей о годах, когда она ещё не знала Виллема.

Серенити задавала вопросы, а он всегда отвечал. Она тихо плакала, когда истории были слишком печальны, а он целовал каждую её слезинку, успокаивая её своим мягким, невероятно сексуальным голосом с налётом акцента, и она вновь теряла от него голову.

Каждый из этих дней был настолько невероятно прекрасен, что Серенити не могла уснуть из-за сердца бьющего барабанную дробь прямо у неё в горле.

Всё слишком идеально, говорило её предчувствие.

Всё лишком хорошо, чтобы быть правдой, слишком прекрасно, чтобы продолжаться вечно.

И так оно и было, тоже.

— Нет, мы не можем, — голосом полным желания выдохнул Виллем, и всё же, сжал руку Серенити не давая дотронуться до молнии своих брюк. Но увидев уныние в её светло-голубых глазах, тяжело вздохнул.

— Будь благоразумна, ангел.

Они направлялись на благотворительный бал, устраиваемый семьёй де Конаи, но в отличие от всех других, которые они посетили вместе, на этот раз к ним должна была присоединиться Шейн.

Когда Серенити вновь взглянула на миллиардера, на её лице была привычная маска спокойствия, и она прошептала покорным голосом:

— Конечно.

Она попыталась отвернуться от него, но Виллем тут же остановил её, притягивая обратно к себе.

— Ты можешь не любить свою сестру...

Серенити смутилась от слов миллиардера, и тут же, абсолютно по-детски залепетала оправдания:

— Не я её не люблю, — гордо заявила она, — а она меня.

— Ну конечно, — успокаивающе сказал он, — я просто не правильно выразился.

Она попыталась оттолкнуть Вилема, но это было то же самое, что двигать стену с места.

— Мистер де Конаи, я прекрасно знаю, когда вы надо мной насмехаетесь, — пробормотала она, всё же позволяя ему захватить себя в объятия. — И именно это вы сейчас и делаете.

Пряча улыбку в её волосах, он спросил:

— Неужели? — Поцеловав её в макушку, он продолжил, — ты ведь знаешь, у меня связаны руки. Приглашения уже давно были разосланы, и твоя сестра получила его, потому что организаторы вечера решили, что она будет сопровождать меня в качестве моей спутницы. И если бы я отказал ей сейчас, она бы что-то заподозрила.

Серенити упорно продолжала хранить молчание.

Всё также продолжая улыбаться, Вилем оставил нежный, краткий поцелуй на её устах, бормоча в её губы:

— Ты ведь знаешь, что я прав, ангел. Твоя сестра не идиотка. Как только она попадёт в лимузин, тут же поймёт, что мы тут занимались тем, что не должны делать босс и его интерн, — он сделал недолгую паузу, — если только, ты не передумала.

Серенити прикусила губу, а затем выпалила:

— Если только ты тоже не передумал.

Он не отвечал. Но в целом, и не должен был. От её слов, он тут же отстранился, словно пелена покрыла его взгляд, и при виде его безразличной маски, Серенити от беспомощности крепко сжала на коленях кулаки.

— Я не понимаю тебя, Виллем, — внезапно, от одного взгляда на него, ей захотелось рыдать, и она поспешно отвела взгляд в окно.

— Ты хочешь, чтобы все о нас узнали, но всё также не желаешь заниматься со мной любовью.

Виллем продолжал молчать.

— Ты можешь ответить мне почему?

Но Виллем не обронил ни слова, решив, что правда может слишком сильно её ранить. Серенити была слишком молода, чтобы понять, что его воздержание, которое давалось ему с великим трудом, для её же блага.

Должно быть, она забыла года, которые, словно пропасть разделяют их, но он не забыл. Ей было всего девятнадцать, и вся жизнь со всеми прекрасными перспективами ещё впереди, в то время, как он уже прожил добрую половину своей. Он не хотел привязывать её к себе, пока не будет уверен, что она готова выйти замуж за мужчину, который готов подарить ей весь мир, но только не своё сердце.

И хоть они уже несколько месяцев тайно встречались, и не смотря на то, что время, проведённое с Серенити в его руках было лучшим в его жизни, он всё равно понимал, что так не может... не будет продолжаться вечно.

Уже через полгода закончится её академический отпуск, и она поступит в колледж. Встретит парней своего возраста, а он должен будет отпустить её, дать возможность расправить крылья. Уже сейчас он понимал, что выпустить его ангела на свободу, для него будет смерти подобно, но Виллем был просто уверен, что будет обязан так поступить.

Она должна иметь возможность провести время вдали от него и решить действительно ли именно его она хочет видеть в своей жизни.

«Если она вообще об этом думала», насмешливо пропищал голосок у него в голове.

Виллем сделал глубокий вдох. Если он и есть то, чего она хочет, Виллем наденет на её палец кольцо быстрее, чем она успеет моргнуть. Потому что он уже знал. Вернее, был точно уверен. Серенити Роли — его идеальный выбор, единственная женщина с которой он бы хотел состариться.

Но прямо сейчас, он всё также причинял ей боль.

Будет слишком поздно, когда он это осознает. Когда машина стала притормаживать, он услышал её тихий всхлип.

Серенити пыталась проглотить рыдания.

В груди Виллема всё сжалось.

Чёрт подери.

Он потянулся в ней, но тут открылась дверь, и Серенити поспешно пересела на сидение напротив, когда её сестра Шейн скользнула в лимузин.

— Я не могла дождаться, — весело пропела Шейн, усаживаясь возле миллиардера. Как только дверь закрылась, она прильнула к Виллему, чтобы поцеловать его. Он тут же попытался увернуться, но она остановила его, хрипло нашептывая:

— Это ведь всего лишь моя сестра, — захихикала Шейн. — Она ничего не скажет королеве.

Серенити слышала два поцелуя и насильно заставила себя взглянуть на пару.

Глаза Виллема были открыты, и он смотрел на Серенити, хоть в данный момент его и целовала её сестра.

Серенити так же, не моргая уставилась на него, и одинокая слеза скатилась по её щеке.

***

Виллем не привык, чтобы его игнорировали. Также, он не привык ощущать поглощающую его ревность. Но именно сейчас, он испытывал и то, и другое, наблюдая, как

Серенити уделяет всё своё внимание его двоюродным братьям, которые были младше его и однозначно более лёгкие в общении, чем старый и ужасно мрачный Палач, как его на самом деле, звали остальные члены семьи де Конаи.

А рядом с ним, продолжала дуться и бурчать Шейн, и он начинал понимать, что все её поступки – просто игра. Он считал её удивительно доброжелательной и понимающей, а теперь он был смущён и даже сбит с толку, осознавая, что она всё это разыгрывала ради того, чтобы стать его невестой.

Шейн вновь потянула его за рукав.

— Мы можем хоть один раз потанцевать? — Когда Шейн произнесла это, перед их столиком пропорхнула Серенити, вальсируя в руках Гейба, и Шейн стиснула зубы.

Виллем нахмурился.

Было что-то в её взгляде...

Блестящая мысль пришла в его голову, и он тут же решил действовать. Вставая с места, Виллем очаровательно улыбнулся и предложил свою руку.

— Твоё желание – для меня закон, моя дорогая.

Шейн тут же просияла, и приняла руку Виллема. Её смех разлился по залу, когда миллиардер умелым движением увлёк её на танцпол, и этот звук привлёк немало взглядов.

Также, он привлёк внимание Серенити, и прежде, чем она успела задуматься, тут же стала оглядываться по сторонам.

— Не думаю, что это то, из-за чего стоит грустить, — иронично пробормотал её партнёр.

Серенити была поражена.

— Прошу прощения, Ваше Высочество?

Гейб мягко ответил:

— Мой двоюродный брат танцует со своей спутницей, но она всего лишь жаждет внимания.

Она задохнулась.

— Это м-моя сестра.

— Вот дерьмо, — сочувственно сказал он.

Она практически улыбнулась, но тут же заговорила:

— Не удивительно, что вы регулярно попадаете в передряги, Ваше Высочество.

Гейб одарил её взглядом мнимой невинности.

— Я?

— Вы, — с умным видом кивнула она. — Не смогу сказать ничего более, кроме, что из-за вас, мой босс провёл пару бессонных ночей.

Принц притворился оскорблённым.

— Вы травмируете моё самолюбие. Всего одна или две ночи?

Прежде, чем она успела ответить, за их спинами раздался голос:

— Обмен партнёрами?

Серенити замерла.

Виллем.

Принц улыбнулся в ответ.

— Одна милая дама в обмен на другую, что ж, равноценный обмен, — пробормотал он отпуская Серенити, и увлекая Шейн за собой в танце.

Как только Виллем взял в свою руку тонкую и холодную кисть Серенити, он слегка

склонил голову к Гейбу и прошептал:

— Отвлеки её, — он произнёс это на Континийском наречии, зная, что Шейн им не владеет.

Принц кивнул, уводя Шейн в танце подальше от Серенити и Виллема, оставляя их наедине.

— Я... Я, — она выпалила первое, что пришло ей в голову, — думаю, мне стоит немного отдохнуть.

Его губы тронула улыбка, но глаза оставались серьёзными.

— Я знаю, — её глаза ещё больше расширились, когда он продолжил, шипя сквозь зубы, — ты маленькая глупышка, — и прежде, чем она поняла, что происходит, Виллем прижал её поближе к себе, и повёл к столу. — Я наблюдал за твоим лицом. И видел, что нога тебя давно уже беспокоит, но ты не могла заставить себя сказать об этом принцу.

Она стала протестовать.

— Я просто знала, что танец уже подходит к концу.

Он прервал её резким ответом:

— И ты не обула ни одной из туфель, подаренные мною, — его глаза метали молнии. — Как долго ты собираешься вести себя, как ребёнок? Каждый раз, когда я буду тебя огорчать, ты будешь отказываться обувать эти туфли? — Произнося эти слова, он подставил ей стул, и Серенити с напускным достоинством опустилась на него.

Усаживаясь возле неё, он потребовал:

— Ну?

Она уставилась на Виллема, сохраняя молчание в знак своего протеста.

Раньше, такое её поведение могло бы позабавить Виллема, но не сейчас, когда он всё ещё сгорал изнутри, зная, как рука принца чертовски долго лежала на бедре Серенити, а пальцы, практически касались её дерзкой попки.

— Понравилось танцевать с принцем? — Выплюнул он.

Она ответила с вызовом:

— Больше, чем когда-либо с тобой.

Его глаза обрели холодный, словно айсберг, оттенок.

— На самом деле, — тихо продолжила Серенити, подавляя собственное чувство ревности, — я бы даже сказала, что он лучше тебя во всех смыслах...

— Закрой рот, — едва сдерживаясь, прорычал Виллем, — или же я сейчас же заткну его своим языком.

— А ты рискни! — Выпалила она, забывая, что говорит не с кем иным, как с Виллемом де Конаи, а ему не стоит бросать подобные вызовы.

Но как только миллиардер наклонился к ней, чтобы выполнить обещанное, она тут же отпрянула в приступе паники.

От её резкого движения, стул начал крениться назад.

Серенити побледнела.

Люди вокруг ахнули в ожидании её падения, и когда она уже думала, что вот-вот ударится головой о пол, Виллем уверенной рукой схватил стул за край и поставил его на место.

Гости вокруг взорвались аплодисментами.

— Ты в порядке? — тут же поинтересовался он.

Она была не в силах ответить, только испуганно смотрела ему прямо в глаза, и Виллем

взял под столом её за руку.

— Сири? — Мягко спросил он, хотя глаза по-прежнему горели гневом.

Она сглотнула.

— Я в порядке, — его пальцы усилили хватку, и она вновь с трудом сглотнула. — Спасибо, что помог, — её голос дрожал, взгляд был прикован к его лицу, а все мысли об их сплетённых пальцах.

Виллем наклонился к ней, и прошептал на ухо:

— Мне не понравилось видеть, как ты танцуешь с другим мужчиной.

Сердце Серенити пропустило удар, и она прошептала в ответ:

— Мне тоже не понравилось наблюдать, как ты целуешь мою сестру.

Тишина.

Затем, наконец, Виллем ответил:

— Твоя взяла.

Её губы приоткрылись в немом шоке.

— Что?

— Если до конца вечера ты будешь хорошей девочкой, — спокойно ответил миллиардер, — тогда, я трахну тебя сегодня.

Во рту Серенити пересохло. Соски затвердели. А киска начала активно пульсировать, увлажняясь соками возбуждения.

Виллем вальяжно откинулся на спинку стула, и поглаживая под столом её пальцы, он изогнул свою элегантную бровь, и спросил:

— Договорились, ангел?

— Да.

Как только Серенити произнесла это слово, тут же услышала голос Шейн, вернувшейся к столику:

— Я всё видела, пока танцевала с принцем! Ты в порядке? — Но вся её речь была обращена к Виллему, что заставило миллиардера нахмуриться.

— Это не я практически упал, Шейн, — мягко ответил он. — Возможно, ты была слишком далеко, чтобы увидеть, как всё было на самом деле.

Вспыхивая от нотки разочарования в его голосе, Шейн тут же исправилась, извиняясь:

— Да, прости. Я думала, это был ты, — с мнимой заботой, она взглянула на сестру. — Ты в порядке, дорогая?

Именно этот момент Виллем использовал, чтобы прикоснуться к ноге Серенити, и этого стало достаточно, чтобы кровь фонтаном ударила ей в голову.

— Да, — прохрипела Серенити в ответ.

Шейн в замешательстве смотрела на сестру.

— Ты выглядишь так, будто у тебя жар.

— Уверен, виной тому шок, несостоявшегося падения, — пробормотал миллиардер.

И улыбаясь Шейн, произнёс:

— Просто, наслаждайся вечером, дорогая. Я присмотрю за малышкой, пока буду делать некоторые звонки.

Она надула губки.

— Неужели, ты не можешь ненадолго забыть о работе, и просто насладиться этим вечером со мной?

— Скоро, — пообещал он, — мне нравится наблюдать, как ты развлекаешься.

Когда Шейн оставила их, Серенити с тревогой сказала:

— Ты слишком хорош в манипулировании людьми.

— Это правда, — миллиардер пожал плечами.

— Откуда мне знать, что и мной ты не манипулируешь?

Миллиардер одарил её насмешливой улыбкой.

— Думаю, что тут именно мне нужно об этом волноваться... Ты так не считаешь?

Он отпустил её руку, и легко скользнул под подол её платья, которое без труда поддалось его движениям.

Серенити побледнела.

— Ты единственная, кто преуспела в управлении моими решениями.

Рука Виллема скользила по её бедру, и Серенити бросило в жар. О, Боже мой, ей срочно нужно было на свежий воздух. О, Боже мой, его пальцы уже были у неё между ног.

Её взгляд метнулся к нему, излучая желание и тревогу.

— Ты ведь хорошая девочка, ангел?

Практически содрогаясь от мурлыкающего тона миллиардера, она прошептала:

— Да.

— Означает ли это, что я трахну тебя сегодня ночью?

— Да.

Всё оставшееся время до окончания вечера, они провели за столом, Виллем неторопливо поглаживал её киску, пока она практически стала изнывать от желания. Скоро, обещали его дразнящие пальцы. Скоро, член миллиардер будет ублажать её.

— Доброй ночи, мистер де Конаи, — вежливо сказала Серенити, и не дожидаясь ответа, вышла из лимузина. Водитель излучал симпатию, но она игнорировала это, оставаясь ждать на тротуаре.

Прошло ещё около минуты, прежде чем Шейн также покинула лимузин миллиардера, но Серенити не желала думать о причине этой задержки.

Но к сожалению, её сестра пребывала в болтливом настроении, и как только они вошли в лифт, Шейн сказала, демонстративно облизывая губы:

— Виллем де Конаи так божественно сексуален, не правда ли?

— Не знаю, он ведь всего лишь мой босс, Шейн, — Серенити упорно не сводила взгляд с двери лифта.

— Ой, не будь ханжой. Уверена, что ты много слышала от других о его подвигах, когда он был в колледже.

Так и было, за одним исключением, что Виллем всё рассказывал ей сам. И когда она спросила его о колледже, он неохотно отметил, что таблоиды освещают не совсем правду, говоря, что он провёл ночь со всей командой группы поддержки одновременно, на самом деле, тогда была всего половина команды.

— И может выглядеть по-другому, но в постели он просто неустанный.

— Мне это также не известно, — но про себя Серенити яростно пообещала себе, что после этой ночи, она точно это узнает. И Серенити надеялась, что будет последней, кто познает миллиардера в интимном плане, потому что подарив ему свою невинность, она надеялась, что миллиардер поймёт истину.

Он любит её, всегда любил и всегда будет любить.

Когда они зашли в квартиру, Шейн тут же отправилась к себе, а Серенити пошла на кухню, нервно сказав:

— Мне нужен стакан воды.

— А мне то что? — Беспечно ответила сестра, её шаги стали утихать, а затем донёлся звук открывающейся и закрывающейся двери спальни Шейн.

Она считала минуты, кусая губу и нервно переступала с ноги на ногу, пока дождалась желаемого сообщения.

Серенити бросилась к входной двери и постаралась открыть её как можно беззвучнее. Она отворила, и вот он, прекрасный и сексуальный смотрит на неё так, словно она единственная девушка на всём белом свете.

«Как же сильно я его люблю».

Она хотела прошептать это ему, прокричать во весь голос, пропеть всему миру.

Но Серенити прекрасно понимала, что это слишком рано, и пока довольствовалась только тем, что вложила дрожащую руку в его ладонь.

Виллем запер дверь, и повернувшись к ней, вздёрнул бровь «ну и чего мы ждём»?

Она практически, практически захихикала.

Серенити увлекла его вверх по лестнице, и Виллем был рад подчиниться. Когда они поднялись на второй этаж, Серенити жестом указала ему ждать, пока она дополнительно проверит заперты ли комнаты Шейн и Мелани. Обе были закрыты, что означало, они в своих комнатах.

Серенити вернулась к миллиардеру и предложила свою руку.

Он принял её, но когда она попыталась идти вперёд, Виллем остановил её.

Глаза Серенити расширились.

Поднеся её руку к своим губам, он по очереди начал покусывать костяшки её пальцев, от чего, она затрепетала в предвкушении. Когда он поднял свой взгляд, Серенити наблюдала за ним. «В самом деле? Ты должен это делать прямо сейчас?» Но то, как её соски выпирали сквозь вельвет её платья, говорило ему о том, что ей пришлось это по вкусу.

Серенити вновь взяла его руку, и повела в свою комнату, но как только дверь была закрыта, Виллем подхватил её на руки и овладел её ртом.

Опустив руки ему на плечи, Серенити уткнулась лицом в его шею и прошептала:

— Я боюсь, что мы попадёмся.

Миллиардер только пожал плечами.

— Если попадёмся, то так тому и быть, — по его мнению, он уже и так отдал их отношения во власть судьбы. Как только сегодня ночью её тело будет принадлежать ему, ничего уже не будет как прежде, больше не будет надобности поддерживать фарс отношений с Шейн. Это может причинить боль другой женщине, но не Шейн, которая просто одержима его деньгами. Он решил, что с разумной суммой отступных, он будет ею прощён.

Но тут он ошибался.

Снаружи комнаты Серенити стояла Шейн с ухом, плотно прижатым к двери, содрогаясь от ярости всем телом. Она только собиралась выйти из гардеробной, которую делила с Мелани, как услышала шаги. К её огромному удивлению это были Серенити и Виллем, и пока Шейн пребывала в шоке и полном неверии своим глазам, маленькая грязная девка, которая звалась её сестрой, завела миллиардера в свою комнату.

Лицемерная шлюха!

Зубы Шейн заскрежетали от ревности.

Первой её мыслью было ворваться в комнату и устроить невероятную истерику, но к счастью, у неё хватило самообладания не делать этого. Она должна сохранять такую же выдержку и последовательность в планировании мести, как и при соблазнении. Она желала, чтобы Серенити умирала в унижении и страданиях, и чтобы так и произошло, ей нужно всё тщательно спланировать.

***

Внутри комнаты Серенити, миллиардер и его интерн медленно раздевали друг друга, не сводя друг с друга глаз. Казалось сегодня, он был ещё более отверженным, заставляя её наблюдать за ним с интересом.

— Я так сильно тебя хочу, — резко пояснил он, — что приходится использовать весь самоконтроль, чтобы прямо сейчас не трахнуть тебя.

Она тут же покраснела от его слов, но её мягкий, смущенный голос был полон уверенности, когда она ответила:

— После этой ночи тебе больше никогда не придётся сдерживаться.

Закрывая глаза, Виллем простонал:

— Такие слова совсем не помогают, ангел, — его пальцы ещё быстрее запорхали над её пуговицами, но когда он понял, что это слишком медленно, бормоча извинения, миллиардер разорвал платье на двое.

Серенити издала низкий стон.

— Виллем!

— Если захочешь, я куплю тебе такое же, но прямо сейчас, я хочу видеть тебя полностью обнажённой, — его голос источал желание, когда с бюстгалтером и трусиками он расправился таким же способом.

Наконец-то, на ней не осталось ничего кроме туфель, и хоть вид её обнажённой и на каблуках, заставлял Виллема шумно сглотнуть, он всё же подтолкнул Серенити к кровати и по очереди бережно снял с неё обувь. Когда и стопы были обнажены, он взял одну и принялся её массажировать.

— Ооооох, — сущее блаженство отображалось на её лице.

Он принялся за вторую стопу.

— Тебе нравится?

— Я в восторге, — её глаза распахнулись, и она мягко продолжила, — спасибо.

Затем она встала, и Виллем последовал её примеру. Разобравшись со всеми пуговками его рубашки, Серенити позволила ей упасть на пол и затем наклонилась, разбираясь с молнией его брюк. С ними также было покончено, и они также опустились на пол, оставляя миллиардера в одних плавках.

Сглатывая, она запустила руки под резинку и потянула их вниз по стройным и мускулистым ногам Виллема. Также, она избавилась от его туфель и носков, и вот они оба были обнажены.

Они изучали друг друга, и тут Серенити увидела, как увеличивается его член, наполненный желанием.

— Всё ещё не передумала, — хрипло поинтересовался он.

Она покачала головой, не отрывая взгляда от его члена.

— Ни за что.

— Так тому и быть.

Он взял её за руку и уложив на кровать, устроился между её разведённых ног, нависая над ней всем телом.

Серенити обхватила ладонями его лицо и сказала:

— Вы такой красивый, мистер де Конаи.

Никто ранее не говорил ему этого.

Никто.

Его сердце сжалось, а желание достигло максимального пика, и он начал целовать её с бесконтрольным пылом. Его страсть дико и безжалостно плескалась через край и Виллем был больше не в силах сдерживать желания своего тела.

Волшебная аура миллиардера окутывала их, наполняя воздух обжигающим и несущим уверенность чувством, что ничего более не важно, кроме как подарить своё тело Виллему де Конаи. Её разум, тело и душа, она всё отдавала ему, потому что они уже давно существуют только лишь для него.

Когда Виллем стал прокладывать дорожку из поцелуев вниз по её телу, Серенити схватила подушку и сжала её зубами. Когда он принялся с жаром покусывать её сосок, подушкой она подавляла свои стоны, но когда он вновь начал лакомиться её киской, Серенити затрепетала и начала задыхаться.

Это было слишком, но ей хотелось большего. Это было слишком горячо, но она желала сгореть в этом пламени. И наконец-то, она получила освобождение оргазмом, первым за эту

ночь, которые испытала Серенити. Пока волны оргазма всё ещё накрывали её тело, Виллем быстро подложил ей под бёдра подушку и навис над ней. И как только последствия освобождения отступили, Серенити ощутила это...

Его член, проникающий в неё и растягивающий её киску на всю свою огромную длину и ширину.

На мгновение, пока он проник, Серенити закрыла глаза, но затем в ответ на такое вмешательство, её тело изогнулось дугой, а глаза широко распахнулись.

Его зубы скрежетали в борьбе за контроль. Серенити впиалась пальцами в его плечи, но боль только усилила желание миллиардера.

Их взгляды встретились, её был смесью ошеломления со страстью, и он вновь подавил стон.

— Всё ещё болит?

Она не ответила, но вместо это медленно толкнула бёдра на встречу ему.

Он подавил ещё один стон.

Виллем с трудом сглотнула.

— К-кажется, не так и больно, — она не успела договорить, а Виллем возобновил толчки и трение его движений пробуждало новый водоворот ощущений внутри неё.

Он уловил её взгляд и стал трахать, как и обещал.

— Вот теперь, я тебя трахаю, — прошептал он.

О, Боже мой.

Виллем де Конаи говорил ей такие пошлые слова.

Её голова закружилась, и она едва выдавила:

— Да. Ты трахаешь меня.

Он вонзил член ещё глубже в неё, услышав, как Серенити произносит нечто такое же грязное, как и он.

— Чёрт подери, ангел, — его руки проскользнули под её тело, сжимая ягодицы, Виллем ускорил темп и хотел проникнуть ещё сильнее, ещё глубже в неё.

— Я забрал твою невинность.

— Я собираюсь заставить тебя глотать мою сперму.

— Собираюсь овладеть твоим задом.

Изысканный контраст между воспитанным Виллемом и этим дикарём, который нащёпывал ей различные непристойности, заставил Серенити и вовсе потерять голову, её дыхание ускорилось, зрачки расширились, а киска начала сжиматься вокруг члена миллиардера.

— Твою мать, — глаза Виллема застелила пелена желания, — чёрт, чёрт, чёрт, — его толчки стали дикими и лихорадочными, и Серенити едва поспевала за ним, встречая его движения.

Она почувствовала, как его рука скользнула между их телами, и когда пальцы миллиардера сжали её клитор, Серенити поняла, что она пропала, уткнувшись в его шею она подавила крик нахлынувшего оргазма, Виллем стал словно дикарь, и после нескольких яростных движений, его тёплое семя наполнило её. Когда он понял, что для неё это было слишком, и она сейчас закричит, он подавил её возглас поцелуем, продолжая изливаться в её киску.

Прийдя в себя после нахлынувших эмоций, Серенити поняла, что миллиардер бережно вытирает её нежное место. Она стала извиваться от смущения, но Виллем только сжал её

бёдра, призывая не дёргаться, и продолжил вылизывать её начисто своим языком.

Серенит думала, что они уже закончили, но она ошибалась.

Миллиардер не отпускал её всю ночь, овладевал ею всеми мыслимыми и не мыслимыми способами, о которых Серенити даже раньше боялась подумать. Второй раз, он захотел, чтобы она оседлала его, а на третий, он взял её сзади, пока она стояла на четвереньках прямо перед зеркалом. Это оказалось невероятно эротическое зрелище, и когда после она нежилась в его объятиях, она призналась ему, что позиция третьего раза стала её любимой.

Её слова вызвали довольную и прекрасную улыбку на лице Виллема, но он торжественно заявил, что ещё слишком рано делать выводы.

И всё началось заново.

Он взял её у стены. Затем, он взял её стоя, пока Серенити обвив его ногами скользила вниз вверх по его члену, используя его руки в качестве опоры. Он взял её на полу, в душе, на столе.

А когда настал, наконец, рассвет, Серенити взглянула на миллиардера и взмолилась: — Не уверена, что смогу ещё выдержать.

Виллем усмехнулся.

— Хорошо, ангел. Тогда продолжим завтра.

Она вздрогнула и всхлипнула от его слов.

Натягивая на них одеяло, миллиардер притянул её поближе к себе и поцеловал в лоб.

Это было почти. Почти идеально.

Пока она не взглянула ему в глаза, и, потеряв бдительность, сонно улыбнулась, излучая всю свою искреннюю любовь.

В венах Виллема тут же остыла кровь.

Серенити прижалась к нему всем телом и в полном истощении погрузилась в мечтательный сон, совсем не понимая, что она всё поняла не так.

Подарив себя миллиардеру, Серенити не заставила его осознать, что он любит её.

Всё было наоборот.

Миллиардер, наконец, понял, что она по-настоящему любит его.

***

Серенити проснулась в одиночестве и полной дезориентации.

Она даже не сразу поняла, почему спит обнажённой, и отчего так саднит всё тело. Но затем, нахлынули воспоминания, и она залилась краской от того почему. И как. И более всего от того, как много раз.

Резко встав с кровати, она чуть не упала, потому что не могла ступить на травмированную ногу. Серенити опёрлась о стену, с сожалением понимая, что прошлая ночь по нагрузке соизмерима с целым днём тренировок в балетном зале.

Сделав глубокий вдох, она сделала шаг, из опыта зная, что, только двигаясь, она заставит боль постепенно отступить. Взяв телефон с прикроватной тумбочки, она проверила, нет ли звонков или новых сообщений, но от Виллема ничего не нашла.

И как бы это было не глупо, она проверила свой душ, но и там миллиардера не оказалось.

Выбравшись из своей комнаты в коридор в поисках лучшего сигнала, она нажала кнопку быстрого набора номера Виллема. Звучали бесконечные гудки, но миллиардер не отвечал.

Что-то гложило её внутри, но Серенити намеренно оттолкнула эти мысли.

Нет.

Ей стоит прекратить всегда видеть в себе жертву. Она не такая, какой её видел отец. Она Серенити Роли, и она... она... та, кто любит Виллема, и она единственная, кого любит он.

Когда её звонки остались без ответа, она решила оставить голосовое сообщение, неловко бормоча:

— Буду благодарна вашему звонку, мистер де Конаи, — в свете белого дня, она поняла, что не в силах называть его по имени.

Серенити уже собиралась возвращаться в свою комнату, когда внезапно открылась дверь в спальню её сестры. Она в удивлении обернулась, зная, что Шейн далеко не ранняя птичка.

Дверь открылась, но вышла не Шейн.

Серенити побледнела.

Виллем.

Он кивнул ей.

— Мисс Роли.

А затем, он прошёл мимо и направился вниз по лестнице.

На мгновение она остолбенела, думая, быть может, она всё ещё спит.

Это должно быть страшный сон.

Должно быть.

Но она наяву слышала звук его удаляющихся шагов — она просто знала, что не может вот так просто дать ему уйти.

— Подожди, — слово вырвалось со всхлипом, Серенити ненавидела себя, за то, что голос так дрожит.

Но он продолжал уходить.

Она бросилась за ним вниз по лестнице, игнорируя стреляющую боль в ноге.

— Подожди.

Но казалось, миллиардер даже не слышит её.

Спотыкаясь, она спустилась по лестнице, её лицо побледнело от боли, и она с трудом выдавила:

— Пожалуйста, подожди, — она больше не думала, ничего не ощущала. Чистый инстинкт руководил ею, и всё её нутро кричало, что она просто... она просто должна знать почему.

Он отворил дверь, и она попыталась перейти на бег, чтобы только не дать ему уйти.

— Подожди, — она уже практически ухватила за его пиджак, когда нога окончательно отказала, и Серенити почувствовала, что падает.

Серенити вскрикнула.

Виллем замер.

Серенити рухнула на пол, ударяясь коленями о цементный пол, но не отвела взгляда от миллиардера.

— Пожалуйста, — хрипло сказала она, — пожалуйста, просто скажи мне...

Медленно, Виллем повернулся, чтобы взглянуть на неё.

Её лицо стало мертвенно-бледным от того, что она увидела, вернее, от того, чего она не увидела.

Это было похоже, будто она смотрит на мужчину, которого любит, а он считает её незнакомкой.

— Я не понимаю, — отрывисто прошептала она, — я думала, ты любишь, — её голос дрогнул, и Серенити не смогла закончить фразу, потому что увидела холодный и высокомерный взгляд миллиардера.

— В этом и проблема, мисс Роли, — как никогда вежливо ответил он, — вы думали, что я люблю вас.

А потом, он ушёл.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net